

# Потенциальные монстры

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Борисова Анастасия

Анастасия Борисова

**Потенциальные монстры**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Борисова А.**

Потенциальные монстры / А. Борисова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Джемма Шоу не мечтала быть писателем, и тем более, известным, но так вышло, что её первый же роман стал сенсацией. В основе сюжета - незамысловатая реальная история любви, рассказанная пожилым соседом. Мистер Кирк и Бэтти расстались много лет назад, и Джемма решила подарить им чудесное воссоединение на страницах своей книги. В скором времени, написанное ею сбылось с невероятной точностью. Случайность? Дар? Родовое проклятье? Джемме предстоит отправиться туда, где прошлое, настоящее и будущее пересекутся, заставив её столкнуться лицом к лицу со своими, и не только своими, демонами. Содержит нецензурную брань.

## Потенциальные монстры

### Пролог

– А здесь у тебя не так уж и плохо, – Джемма очертила рукой полукруг в воздухе. Каблуки босоножек, подцепленных двумя пальцами за ремешки, ударились друг о друга, – тихо, – добавила она, кивнув, – можно я присяду? Целый день в этих проклятых босоножках. Они жутко натирают, гляди, – подняла и выставила вперёд правую ногу. Кожа возле большого пальца и мизинца покраснела и выглядела воспалённой. Джемма пошатнулась:

– Чёрт, – поставила ногу обратно на землю и огляделась по сторонам, – а ещё эти дерьмовые трусы, – её лицо исказилось гримасой, – прости, но я больше не могу, – рука, держащая босоножки, скользнула за спину. Пальцы нырнули между ягодиц через тёмно-зелёную ткань платья, – наконец-то, – Джемма облегчённо выдохнула, закатив глаза, – я терпела от самого супермаркета, когда эти поганые трусы залезли ко мне в задницу. Началось всё с того, что я уронила кошелёк, а потом наклонилась его поднять. Тогда-то они и врезались, будто ждали своего звёздного часа, понимаешь? Дальше нагрубилась кассирше. Она стала рассказывать про какую-то акцию зубной пасты или туалетной бумаги, а я не могла на месте устоять. Может, все люди потому и злые, что у них трусы в задницах застревают?

Последовавшую тишину нарушило лишь шуршание листьев разросшегося рядом дуба. Джемма наклонилась, швырнула босоножки в сторону и поставила большую коричневую сумку на траву, усевшись рядом. Она скрестила ноги по-турецки, от чего её платье слегка задралось, показав белый треугольник злополучных трусов:

– Я принесла виски, – она полезла в сумку, достала бутылку и поставила её на бедро, плотно сомкнув вокруг горлышка свои длинные пальцы, – начала с маленькой бутылочки, знаешь, из такой бы точно пила Алиса. Ну, Алиса, свалившись в кроличью нору. Я просто хотела расслабиться, понимаешь? – стала откручивать крышку другой рукой. Та выпала и скатилась по натянутой ткани её платья в центр между ног, – даже захватила сигарет. Если грешить, так по полной программе, – Джемма подняла бутылку, – за то, чтобы трусы не застревали в жопе, – поднесла ко рту и сделала глоток. Её тут же перекосило, – фу, какая ж дрянь, фу, – она затрясла головой, – мне всегда нравилось вино. Только его нужно слишком много, чтобы напиться.

Джемма поставила бутылку на землю справа от себя, закрыла крышку и достала пачку сигарет:

– Если кто пройдёт мимо, наверняка подумает, что я убиваюсь с горя. А ведь это совершенно не так. Мне хорошо, – чирканье зажигалки и глубокий вдох, – правда, хорошо, – выдох, – я далеко не святая. И курю не в первый раз. И даже не во второй, – она снова затянулась, вытянула руку перед собой и уставилась на сигарету, направленную вверх дымящимся концом, – мы в колледже курили на пару с Заком, да и потом я покуривала, когда Тода не было дома. Говорят, если хочешь что-то спрятать, положи на видное место. Я так и сделала. Пачка сигарет лежала на моём столике с косметикой, прямо на нём, в шкатулке с украшениями. Тод даже не подходит к этому столу. Однажды он посмотрел на него и спросил: «интересно, что от тебя останется, если выбросить всю эту ерунду?» Да там только косметики тысяч на десять, не меньше, представляешь? – Джемма затянулась, – тогда я очень на него разозлилась. Оскорбил мои помады. Обесценил мои духи. Сейчас-то я, конечно, понимаю, насколько всё это глупо, и мне совершенно точно плевать на духи. Я вообще ничем не душилась уже пару дней.

Она подняла левую руку и принялась к подмышке:

– Воняет, – усмехнулась, – вот сейчас бы Тода сюда. Он бы и увидел, что от меня останется. Собственно, это и останется, – Джемма пожала плечами, затушив сигарету о землю, – Зак вчера сказал, что я красивая.

Подул ветер и Джемма вздрогнула, снова схватившись за виски и немного отпив:

– Фу, гадость. Но у нас, в мире живых, проблемы решаются именно так. Хорошо быть мёртвым. У меня были бы шикарные похороны, это точно. Народу бы притащилась куча. Тод

сказал бы: «Она была любовью всей моей жизни. А ещё постоянно трескала крекеры перед сном, разбрасывая крошки по всей кровати». Так бы и сказал, я даже не сомневаюсь. Для него эти крошки, как для меня трусы в заднице. Раздражают страшно, а сделать ничего не можешь. Мне его, в общем-то, жаль, ведь я не нарочно издеваюсь. Просто эти крекеры чуть ли не самые диетические из всего, что только может быть диетическим. Они у меня в прикроватной тумбочке лежат. Короче говоря, 30 ккал не такая уж и страшная цена за ночное обжорство – Джемма сделала ещё глоток, сморщившись, – нет, если тебе интересно, в данный момент я не на диете. Наверное, нет такой диеты из выпивки и сигарет. А странно, кстати, что нет. На ней можно было бы заработать миллионы. В общем-то, это совершенно не важно, если ты мёртв, правда? А я же мертва. И Тод только что произнёс свою трогательную речь над моим гробом. Зак тоже захочет сказать пару слов. Тоду это не понравится. Он отвесит какой-нибудь комментарий в духе «надо же, у представителя немого искусства вдруг проснулся голос». Только Заку будет плевать. Может, он даже скажет, что я тоже была любовью всей его жизни. И что он был бы самым счастливым на свете, засыпая каждую ночь на моих крошках. Это вполне в его духе. На самом деле, такое невозможно предугадать. Вот ты знала, что скажут на твоих похоронах? – Джемма кивнула серой надгробной плите – а я могу узнать. Точнее, придумать. И всё сбудется до последнего слова. Всё потому, – она подалась вперёд и прошептала, – что у меня есть дар. Я о нём не просила, но он есть. Да ты и сама знаешь. Только не знаешь, с чего всё началось. В общем-то, с того, что я убила свою собаку, – отмахнулась, – но это ерунда. Собаки часто умирают. Самое страшное, когда узнаешь, что у тебя есть власть над людьми. Или когда они об этом узнают. И ты делаешь что-то для них, то одно, то другое. А им всё мало, – Джемма шмыгнула носом и облизнулась, её глаза заблестели – ты, наверняка, не в курсе, но по одной из теорий слово «ведьма» произошло от протогерманского *wikkjaz* – некромант, тот, кто разбудил мёртвых.

Встав не четвереньки, Джемма наклонилась, выставив вперёд руку, и провела ладонью по холодному серому мрамору:

– Почему здесь не написано «любящая жена и мать»? Почему на могильных плитах вечно пишут про ангелов, дорогу в рай или объятия Иисуса? Это ведь последний шанс рассказать историю человека парой слов. Я имею право не верить в ангелов, но я не смогу не поверить фактам. Интересно, что же в таком случае напишут на моём надгробии? Вполне возможно, я совсем скоро узнаю. А пока, – Джемма подалась назад и снова опустилась на землю, – я скажу тебе вот что – мёртвые лежат на кладбище, живые их навещают. Таков порядок, а не наоборот. В одной статье Нью-Йорк Таймс меня называли чудо-женщиной. Чудо-женщина спасала мир, а я прикончила любимую собаку. Но об этом никому не известно. Никому, кроме тебя. Иногда мы вынуждены убивать тех, кого любим. Вот он – факт. Думаю, именно его и напишут на моём надгробии: Джемма Шоу, убийца своих любимых.

## Джемма

### 1

История, которая привела меня к ней на могилу, на самом деле, началась с трёх других историй. Однажды Тод, мой муж, сказал, что я не писательница, а рассказчица. В чём разница? – спросила я. Он пожал плечами и вернулся к своим чертежам. В то время он отращивал бороду, которая меня жутко раздражала, поэтому я не придавала его словам никакого значения. Разве можно воспринимать всерьёз человека, чья борода тебя раздражает? Не раз я хваталась за ручку и блокнот, собираясь написать историю о мужчине, который проснулся однажды без бороды, гладковыбритым. Он очень перепугался и повсюду искал свою бороду, но так и не нашёл. Он надеялся, что борода отрастёт вновь, но шли недели, месяцы, а на его лице не появлялось ни волоска. Мужчина консультировался с кучей врачей, и никто не знал, что с ним происходит. Я бы непременно написала такую историю, но Зак меня переубедил, сказав, что

она получится очень грустной, потому что мужчина наверняка сойдёт с ума. Его будут мучать кошмары и постоянный страх, что однажды утром он проснётся, и ещё какая-нибудь часть его тела будет безвозвратно утеряна. Я задумалась: вполне вероятно, он был прав. Я не стала писать эту историю. Наверняка, Зак крайне разочаровался бы в собственном совете, узнай он, что её героем должен был стать Тод.

В то время я действовала исключительно инстинктивно, не так, как сейчас, ведь я понятия не имела, что блокнот и ручка – мои секретные орудия, а я – грёбаный пророк или нечто в этом духе. После случая с сучкой года Нормой Чандлер у меня впервые появились подозрения, но я решила, что о них лучше никому не говорить. Да и кому? Кто бы мне поверил? Девочка с волшебным дневником, в котором вершатся судьбы! Нет, я определённо не хотела быть той девочкой. К счастью, потребность в ведении дневника вскоре исчезла сама собой, впала в спячку на несколько лет, до колледжа. И всё же героем истории с бородой всё равно, как ни крути, я представляла Тода. Я смаковала дерзкую мысль, самозабвенно покусывая нижнюю губу, что моя история однажды воплотится в реальность.

Ничуть не меньше бороды Тода меня раздражали его плечи, точнее, совершаемое ими движение. Уважительное безразличие, замаскированное под неопределённость. Мол, не знаю, – плечи поднимаются, – всё может быть, – плечи опускаются. К пожатию плечами не придерёшься. Ты, говорит, рассказчица, а не писатель. В чём разница? Плечи ползут вверх. Зачем говорить то, что и объяснить не в состоянии? Я спросила об этом Зака, а он рассказал мне анекдот:

- Хочешь узнать, как заинтересовать дурака?
- Как?
- Завтра расскажу.

Однако, без Тода никуда. Даже не будь у него бороды, он – герой. Правда, совершенно другой истории, одной из трёх, с которых всё началось, поэтому я не могу обойти его стороной. Будь он всего-навсего Тодом, моим мужем, я бы не стала уделять его персоне такое пристальное внимание. За семнадцать лет ничего особенного, о чём непременно следует рассказать, не произошло. Работа, дом, серые костюмы, чёрный портфель, маникюр, продукты, банковские карты, мимические морщины, волосы в носу, потные ботинки, отбеленные зубы. Однако, он важен для повествования. Он – половина моей жизни, начавшаяся в дневнике, обтянутом голубой хлопковой тканью с розовыми фламинго.

Сейчас дневники ведут для того, чтобы обклеивать их картинками и бантиками, а потом выкладывать в интернет. У этого даже есть название – скрапбукинг. Я знаю о скрапбукинге из гугла. Селена чуть ли не на все вопросы отвечает одинаково: «погугли!». Она очень продвинутый интернет пользователь. А ещё мой литературный агент. И моя подруга тоже. Она говорит, что скрапбукинг сейчас популярен. Я погуглила и нашла кучу фотографий невероятно красивых ежедневников, только мне кажется, мало кто будет исписывать роскошные винтажные страницы своими бредовыми мыслями или переживаниями неразделённой любви. И это хорошо. Очень хорошо. Но вот Селена, например, ведёт дневник по старинке и уже давно. Записывает туда всё, что приходит в голову. Ей посоветовал психоаналитик. Только меня это немного беспокоит. Как-то я спросила, представляет ли она, если её дневник попадёт однажды в чужие руки? Чем это может обернуться. Она спросила, с чего вдруг ему попадать в чужие руки? Я говорю, когда ты умрёшь, например.

– Когда я умру, – говорит Селена, – я завещаю детям положить всё моё добро в гроб, как это делают в некоторых племенах Ганы, допустим.

Я не стала говорить, что это полный бред, что у неё нет никаких детей и, скорее всего, не будет никогда. Она не бесплодна. Тут дело в другом. Существует теория, согласно которой мы перенимаем ролевую модель отношений наших родителей и подсознательно пытаемся повторить её. Селене рассказал об этом психоаналитик, а она рассказала мне, и потом спро-

сила совета, стоит ли ей вырезать матку. Я не знала, что ответить. Она добавила, что не хочет производить на свет очередную бракованную деталь, что наш мировой механизм и без того едва функционирует. Действительно, Селена порой любит драматизировать, но в чём-то я с ней согласна. Только матку вырезать всё же не стоит. Иначе можно закончить, как герой моей не написанной истории, который однажды проснулся без бороды.

Селене вести дневник опасно. Если она действительно записывает туда все мысли и воспоминания, то он буквально являет собой прикладное руководство для начинающих маньяков и психопатов. Я и взяла её на работу потому, что за ней стоит история. Ещё на первом интервью она полезла в сумку искать резюме и выложила на стол в числе салфеток, телефона и ключей металлические наручники:

– Это мои наручники, – сказала она, как ни в чём не бывало. Мне стало интересно, почему она не сказала – это мои салфетки, это мой телефон, это мои ключи. А только наручники. Я заёрзала от желания спросить, для чего ей наручники, но решила промолчать. Мне показалось, что для первого дня она рассказала о себе достаточно.

А потом нашлось резюме – фотография, сделанная на кухне, по-видимому, какой-то закуской. Вся команда в зелёных фартуках застыла с улыбками на лицах и в объятиях друг друга.

– Это мои бывшие коллеги. Я проработала в закуской «Крабы на тарелке» официанткой и менеджером по связям с общественностью четыре года. Каждый год я добивалась того, чтобы официальное празднование «Возвращения Гордости Морей» – она отмахнулась, – наш местный праздник, вы не будете знать, – и продолжила, – проходил именно в нашей закуской. В тот вечер мы обычно закрывали практически двухмесячную выручку. Если хотите позвонить и поговорить с моим босом, номер есть в справочнике.

Впечатляющее резюме. Я приняла её тем же днём. А когда позвонила и рассказала Заку, он долго смеялся. Назвал меня сумасшедшей и ещё добавил, что в следующий раз, как встретимся, пойдём есть крабов. Тод тоже заинтересовался Селеной. Вообще, это он настоял, чтобы я наняла агента. Только у Селены не было опыта, и я почему-то испугалась, что Тоду это не понравится. Сказала, будто та согласилась не брать оплату за сверхурочные. Сработало, как волшебное заклинание. Всё-таки есть и плюсы в том, что ты прожил с человеком семнадцать лет.

– Ну, если ты уверена, – заключил он после моих слов, пожав чёртовыми плечами.

В дневнике Селены много интересного, на что я бы не отказалась взглянуть. Но это совершенно недопустимо. У меня уже давно нет дневника. На бумагу я записываю только список покупок и номера рейсов, которыми Тод возвращается из командировок. Иногда я гуглю эти номера, чтобы проверить, не разбился ли его самолёт.

Но, по правде говоря, началось всё с другой истории. За пять лет до нашего знакомства с несравненным Тодом Шоу. Я считаю её катализатором, но не отправной точкой, поскольку она была для меня всего лишь игрой, безобидной выдумкой, тем, что не должно было сбыться никогда.

Когда мне было двенадцать, мисс Дарби, наша учительница, предложила необычное задание. Есть такие воспоминания, которые помнишь едва, которые зацепились за краешек твоей памяти и повисли на нём, готовые в любой момент сорваться в пропасть забвения. А бывают и другие, напротив, очень яркие, будто картины, регулярно реставрируемые анонимным благодетелем. Для меня одним из таких воспоминаний стало задание мисс Дарби. Как и сама мисс Дарби, впрочем.

Она была молодой и довольно симпатичной женщиной. Вечно розовые щёки, густые-прегустые волосы, собранные в хвост, длинная светло-голубая юбка и лёгкая блуза в мелкий цветочек. Приятное воспоминание. А потом на неё наложили заклятье, как на спящую красавицу. Только мисс Дарби не спала. Она превратилась в плачущую красавицу. Всё изменилось

одним днём. Ещё вчера она была прекрасна и нежна, напевала себе под нос, пока писала на доске. А сегодня её глаза стали красными и опухшими, хвост выглядел взъерошенным, завязанным наспех, а вместо юбки с блузкой на ней были джинсы, кроссовки и серый растянутый свитер с висящим горлом. Она сидела за столом и время от времени поворачивалась к окну, натягивая горло почти до самых глаз, а потом встала и молча покинула класс. Две недели мисс Дарби заменяла мисс Полман. А когда мисс Дарби вернулась, больше не было светло-голубых юбок и блузок в цветочек. Всегда один и тот же тёмно-коричневый костюм. Ещё она перестала выщипывать брови, и они стали очень чёрными и густыми.

Мисс Дарби читала нам отрывок из книги «Лев, колдунья и платяной шкаф». Я помню, что мне было очень интересно. Мы всем классом слушали, разинув рты. А потом мисс Дарби остановилась и сказала вдруг:

– В реальной жизни нет шкафа, в котором можно спрятаться. Напишите к следующему уроку сочинение о самом грустном событии в вашей жизни.

Что такого грустного могло приключиться с ребёнком двенадцати лет? – подумала я. Мы жили вдвоём с отцом. Он чинил машины, пока я каталась на качелях, кормила уток на озере или смотрела телевизор. Мне, как ребёнку, в какой-то степени, повезло: у нас был огромный двор, заканчивающийся берегом озера, на котором, под толстым дубом, стояла белая, ненавязчиво облупившаяся, скамейка. На дубе висели самодельные качели из старой шины. Когда мне исполнилось восемь, отец купил щенка – золотистого ретривера, Спуки. Он сказал, что я должна с ним играть, а не таскаться к нему в гараж.

Один день плавно перетекал в другой, ничего особенного, ничего грустного, так что задание мисс Дарби порядком меня озадачило. Но в двенадцать ты не боишься неизвестности. Напротив, хочется как можно скорее во всем разобраться.

После уроков я сразу же направилась к отцу за советом:

– Мне нужна грустная история.

Он стоял, склонившись над капотом очередной машины, которую, должно быть, пригнали, пока я была в школе. Услышав мои слова, он разогнулся, протёр мокрый лоб рукавом серого испачканного комбинезона и посмотрел на меня, прищурившись:

– Зачем? – его лицо исказилось беспокойством.

– Мисс Дарби велела написать сочинение.

В этот миг беспокойство рассеялось, мускулы лица расслабились, и он раздражённо фыркнул:

– Хватило же ума такое придумать?! Чему вас только учат в этой школе?

Я помню, как стояла, и хлопала ресницами. Мне хотелось ответить, что нас учат литературе, истории, естествознанию и многим другим предметам, но почему-то слова застряли в горле. Лицо отца было мокрым и испачканным. Он смотрел на меня, как монстр из мультика. Я не боялась монстров, потому что могла в любой момент переключить канал.

– Грустная история? – отец изобразил растерянную задумчивость, но я была уверена, что с ним случались грустные истории. Он был взрослым, а со взрослыми всегда так. Сегодня они носят блузки в цветочек и напевают себе под нос, а завтра перестают выщипывать брови и говорят, что реальная жизнь – дерьмо. Мне стало интересно, что мой отец носил раньше, вместо своего грязного комбинезона? До того, как на него наложили заклятие?

Наша соседка, мисс Броуди, время от времени приносила нам домашние пироги. Они были очень красивыми, но на вкус какими-то странными. Я боялась, что она хочет нас отравить, а отец всегда лопал её пироги ложкой, даже не разрезая. И запивал пивом. Позже я узнала, что яд назывался содой.

Мисс Броуди однажды сказала, когда передавала мне в руки здоровое блюдо с очередным пирогом. Посмотрела сверху вниз, улыбнулась и сказала:

– Ты очень бледная, дорогая. Тебе нужно лучше питаться. Мужчины совершенно в этом не разбираются. Твой отец – очень хороший человек. Он грустит из-за того, что случилось, поэтому я приношу вам пироги. Чтобы он не грустил, понимаешь? – она подмигнула мне, – ему нравятся мои пироги?

Я не сказала мисс Броуди про то, что он ел их ложкой и запивал пивом. Не сказала и про то, что каждый раз после трапезы он подолгу не выходил из туалета.

– Наверное, – вот, что я ответила. И хоть от пирогов мисс Броуди лично для меня не было никакой пользы, зато именно благодаря ей я совершенно точно знала, что у моего отца была грустная история.

– Самой в голову ничего не приходит? – с подозрением спросил он, но я только пожала плечами.

– Понятия не имею, Джемма. Какие у нас с тобой могут быть грустные истории? Нет, ничего не знаю.

Я снова вспомнила мисс Броуди. Она говорила – грустно, что у тебя нет мамы. Грустно? Не особенно. Мама умерла давно, я совсем её не знала. Так уж вышло, что всегда были только я и отец. Можно ли грустить об отсутствии того, чего никогда не имел?

– Но как же мне быть? – спросила я.

– Придумай, – выпалил отец, теряя интерес к моей проблеме.

– Придумать? – я повторила в полголоса и в тот момент будто распахнула дверь в другое измерение. Можно было придумать. Взять и придумать. Что угодно – самое грустное событие. Мне не очень-то и хотелось грустить, но любопытство потянуло меня, как собачку на поводке, в неизвестность. Я отправилась на скамейку у озера, готовая попробовать, готовая придумывать. С чего начать? Шарик, полный возбуждения, медленно сдувался. Как вообще можно придумать грустное событие?

– Откуда мне знать, что я буду грустить? – размышляла я, – вдруг я никогда не буду грустить совсем? Это хорошо. Только главное не улыбаться всё время, как Иззи. Он очень странный, и у него кривые зубы. Наверное, ему не бывает грустно. За это его никто не любит. Он улыбается, а его дразнят. Много улыбаться нельзя, иначе никто тебя не будет любить.

Я помню, как смотрела вдаль, на другой берег, покрытый густыми зарослями леса. Придумай – сказал отец, и это прозвучало, как команда для мозга или же какой-то внутренней силы, спавшей двенадцать лет, а теперь неожиданно проснувшейся и рвущейся в бой.

У меня были симпатичные розовые часы на руке, однако я даже не смотрела на них. Забыла обо всём, провалившись в свой дебютный творческий транс. И вот в какой-то момент, будто её призвали, появилась грусть. Мне показалось, что это точно была грусть, потому что впервые в жизни сердце по-настоящему сжалось, и глаза налились слезами без всякой причины. Я сидела и думала, что значит грустить? Жизнь у меня была самая обычная: я смотрела мультики, играла со Спуки, иногда соседи брали меня с собой в зоопарк или приглашали на дни рождения своих детей. Но внезапно всё изменилось. Внутри появился колючий комок. Перед глазами начали всплывать картинки, которых не могло быть. Они не принадлежали ни прошлому, ни настоящему, ни будущему, как мне казалось. Я увидела своего пса, Спуки. Он вечно пугал меня, подкрадываясь совершенно бесшумно и утыкаясь мокрым носом мне в ногу, торчащую из-под одеяла. Отец был не в восторге от того, что пёс превратился в полноценного члена семьи и даже спал на моей кровати, но и особенно не стремился тому препятствовать. В конце концов, отец сдался и сбежал в свой гараж, где у него успешно протекала параллельная жизнь.

Иногда посреди ночи Спуки начинал тихонько скулить, отчего я просыпалась почти мгновенно. Он сидел на краю кровати и смотрел на шкаф. Я спрашивала – что там? Думаешь, внутри кто-то прячется? Вместо того, чтобы убежать или хотя бы спрятаться под одеяло, я заго-

ралась интересом. Пока Спуки рядом, никто из призраков или нечисти не посмеет выбраться на волю и причинить мне вред, поэтому я никогда не засыпала без Спуки.

Целыми днями, пока я была в школе, он, наверное, носился по лужайке, пугал уток или гонялся за своим хвостом. В общем, занимался всем тем, чем положено заниматься приличной домашней собаке. Отца он побаивался и не заглядывал к нему в гараж. Он ждал моего возвращения, сидя у калитки, со всей преданностью, на которую только способна собака.

В тот день, когда я отправилась на скамью у озера придумывать грустную историю, Спуки, свернувшись клубочком, дремал у моих ног. Я взглянула на него, и всё встало на свои места. Я вдруг захотела, чтобы Спуки умер. Не потому, что действительно желала ему смерти, а потому, что меня мучало любопытство: буду ли я грустить, если Спуки умрёт? Картинки выстроились в ряд, образовав настоящий видео фильм. Лес и озеро исчезли, на их месте появилась дорога, проезжая часть сразу за калиткой. Солнечный день. Калитка открыта. Спуки, возбуждённый и игривый, мчится на волю, ничего не замечая вокруг. Всё происходит слишком быстро. Визг тормозов, резкий прощальный вопль перепуганного пса, и тишина.

Снова лес, снова озеро, стемнело уже прилично. Грусть из нереальной реальности, в которой я только что побывала, смеялась и махала мне рукой: приятно познакомиться, Джемма! И до новых встреч! Спуки зашевелился под ногами. Я спрыгнула со скамьи, ударившись коленями о бугристую землю, и крепко обняла его. Он принялся радостно облизывать моё лицо, и часть страха испарилась. Только часть.

После ужина я поднялась в свою комнату, села за стол, открыла блокнот и начала придумывать, как и посоветовал отец:

«Когда Спуки, моего пса, сбила машина, я не спала целых двенадцать ночей. Спуки охранял меня от злых призраков, живущих в шкафу, а после его смерти я знала, что они попытаются на меня напасть. Поэтому я не спала.

Я любила Спуки. Он был хорошим псом. Когда он умер, я долго грустила. Это самое грустное событие в моей жизни».

И хотя вся история со Спуки была лишь выдумкой, во мне поселилось глубокое сильное чувство. В своём сочинении я написала, что это грусть. Но это была не грусть, а что-то более тяжёлое. Оно давило на грудь. Я не знала, как оно называется, поэтому решила оставить так. Пусть будет грусть, хоть это и не грусть – думала я. А что же?

Через пару месяцев ответ пришёл сам собой.

Школьный автобус, как обычно, высадил меня почти у самой калитки нашего дома, где я и увидела отца. Он встречал меня со школы вместо того, чтобы сидеть в гараже, и это было удивительно. Я подошла к нему, и он неуклюже положил мне на голову свою огромную, пропахшую бензином, руку:

– Эма-Джемма, твой пёс умер.

Отец не знал, что такое смягчать удар.

– Спуки сбила машина, здесь перед домом. Наверное, я забыл захлопнуть калитку.

Его смерть явно пришлась отцу не по душе. Он даже не возвращался в свой гараж до самого вечера. Мы недолго посидели на крыльце, глядя на озеро. Я тихо дышала, а отец ритмично хрустел пальцами. Потом у меня забурчал живот, и, словно очнувшись ото сна, отец прокашлялся, грубо сплюнул и встал со ступенек:

– Пойдём-ка тебя покормим, Эма-Джемма. А потом похороним Спуки на заднем дворе, что скажешь?

Поесть и закопать в землю мёртвую собаку – так просто отец расписал наш план на день. Однако, я не стала возражать. То чувство, которое я назвала грустью, разгорелось с новой силой.

Как и в своём сочинении, я не спала ровно двенадцать ночей.

## Пайпер

### 2

Пайпер впервые увидела его вживую спустя месяц, как поселилась в Хаймсвилле. Он зашёл в «Кафе у Майка» на обед, и ей сразу показалось, что они встречались раньше. Его вызвалась обслуживать другая официантка, Клара. Она заметно смутилась, и её щёки налились лёгким румянцем.

– Чёрт, – выругалась, повернувшись к входу спиной и поспешно приглаживая растрепанные волосы, – мистер-завтрак припозднился.

– Если хочешь, я им займусь, –

– Не нужно, – Клара расправила плечи, выпятив грудь – у меня на голове совсем кошмар? Только честно. По шкале от одного до десяти.

– Нормально, – ответила Пайпер.

Клара зажмурилась и резко выдохнула, будто собиралась прыгнуть в ледяную прорубь. А затем облизала губы и отправилась работать, виляя широкими бёдрами.

Пайпер снова посмотрела на только что вошедшего мужчину – мистер-завтрак. Он заулыбался, как только к нему подошла Клара. Из-за шума на кухне не было слышно, о чём они там болтали, но явно о чём-то приятном. Его улыбка становилась всё шире, взгляд скользил по телу Клары, совершенно ненавязчиво, но при этом уверенно. Он точно знал, куда и как смотреть. Пайпер наблюдала подобные сцены едва ли ни в каждом кафе, где ей приходилось работать. Иногда даже становилась их участницей, однако, дальше улыбки дело не заходило. Она бы и на ту не расщедрилась, будь её воля, но все начальники требовали чёртову улыбку куда настойчивее, нежели аттестат об образовании или резюме.

У мистера-завтрака были тонкие губы, приятные квадратные скулы, выступающий подбородок и лёгкая небритость. Когда он опустил голову в меню, его нос вытянулся, и кончик показался довольно длинным и острым. Густые тёмные волосы были уложены небрежными волнами. Он улыбался очаровательно. Он – модель, Клара – камера. Его верхняя губа почти исчезала, обнажая ровные белые зубы. Пайпер где-то уже видела эту улыбку, только немного другую. Улыбку в смехе, в истерическом хохоте. Волосы чуть длиннее, не уложенные, спадали на глаза и прилипали ко лбу.

– Эй, парочка в углу, кажется, готова, – Клара легонько задела её плечом.

Стокилограммовые влюблённые. Она могла бы и не предлагать им меню, а сразу принести заказ. Тут и ясновидящей быть не надо – куриный Буффало сэндвич, бекон с картошкой, молочный коктейль и бельгийские вафли. Иногда ощущая тяжесть всех блюд на подносе, Пайпер молилась, чтобы клиенты не сдохли от всей этой дряни прямо у них в кафе.

Она достала из фартука блокнот с ручкой и отправилась получать письменное подтверждение своей догадки. Мистер-завтрак сидел за столиком напротив стойки, и Пайпер неизбежно прошла мимо него. Он поднял голову, посмотрел на неё и улыбнулся. Нет, всё было не так. Они были не здесь. Её вообще не было с ним, когда он улыбался. Его руки сжимали руль, по стеклу глухо тарабанил дождь. В машине темно, снаружи тоже. Прохладно и темно, пахнет хвойным освежителем. Дворники скрипят, едва справляясь с потоками воды. Он тянется к бардачку и достаёт пачку сигарет, роняя зажигалку. Нет, ему не стоило её ронять, нельзя ронять, нельзя отвлекаться от дороги, но он делает это, потому что не слышит её. Она не может ему помешать. Он нагибается, шарит рукой по полу в темноте. Ничего нет. Он смотрит вниз, опускает голову. Лишь через пару секунд начинает ощущать, что машину повело в сторону. Слишком поздно. Он уже на встречной полосе. Встречная от слова встреча. Он встречается с судьбой.

Пайпер поняла, что стоит прямо перед ним. Замерла с блокнотом в руке. Стокилограммовая пара недовольно таранилась на неё из угла, а мистер-завтрак озадаченно приподнял бровь:

– С вами всё в порядке? – спросил он.

Ей удалось кивнуть. Это ведь ему стоило бы беспокоиться, а с ней уж точно всё в порядке. Нельзя говорить незнакомцам, что они скоро умрут. Такого закона ещё не придумали лишь по одной причине: слишком мала вероятность прецедентов. Ей с трудом удалось проглотить ком в горле и отправиться к ожидающей парочке.

Куриный Буффало сэндвич, бекон с картошкой, молочный коктейль и блинчики. Пайпер продиктовала заказ Эштону, и лишь тогда до неё дошло, что блинчики – не вафли. Она повернулась и посмотрела на мистера-завтрака: твоя очаровательная мордашка размажется о руль, деформируется, будто ты резиновая кукла. Нет, так нельзя. Простите, сэр, но вы скоро умрёте. Так тоже нельзя. Никак нельзя. Ей нравилось сидеть и не высовываться. В этом-то и весь фокус – прожить скучную жизнь, не огребая по голове. Кажется, для неё это – несбыточная мечта. Клара понесла мистеру-завтраку чизбургер с картошкой. Значит, он пробудет здесь ещё какое-то время. Пайпер есть над чем подумать.

Однако, прошло не больше двадцати минут, когда мистер-завтрак попросил счёт. Стокилограммовая пара продолжала давиться тысячами калорий. За соседним столиком расположилось недавно вошедшее семейство:

– И никакого мороженого, – сразу заявила мамуля, смерив худощавую дочурку суровым взглядом.

– Папа, – простонал ребёнок.

Но папуля совершенно безучастно жевал жвачку, вглядываясь в меню так, будто там были фотографии голых девушек.

Зелёный салат и холодный чай для мамы, двойной чизбургер с беконом, куриные крылышки с домашней картошкой и кола для папы, рыбный сэндвич с шинкованной капустой и яблочный сок для малышки. Доведённый до автоматизма рефлекс – угадывать заказы. Пайпер и не заметила, как сделала это снова, ведь сейчас она была полностью сосредоточенна на мистере-завтраке, дожидавшемся счёта. Он придёт сюда и завтра, скорее всего. Их смены опять пересекутся, рано или поздно. Поздно. Слишком поздно. Она не сможет его спасти. Она больше никогда не будет спать в дождь, думая о нём и его встрече с судьбой. Чушь. Пройдёт время, совсем немного, и она забудет обо всём. О том, что никак не связано с тобой, забыть гораздо легче, чем кажется. Пока однажды Клара не заявит на работу с заплаканными глазами и не скажет, что её любимый мистер-завтрак мёртв.

Он положил деньги на стол и поднялся. Недолго думая, Пайпер вышла из-за стойки и направилась к семейству. Ей снова пришлось пройти мимо него, на этот раз намеренно задев плечом. Ох, простите, извините. У модели новая камера, но старая улыбка. Он обошёл её и направился к выходу, покинув «Кафе у Майка» с запиской в правом кармане светло-коричневого пиджака. Пайпер написала её сразу после того, как озвучила Эштону заказ стокилограммовой парочки.

На третий день после встречи Пайпер с мистером-завтраком пошёл дождь. Он начался примерно после обеда и продолжался до самой поздней ночи. Пайпер лежала в постели, прижав колени к груди. Её зубы стучали, а кожа покрывалась мурашками каждый раз, как шум дождя усиливался. Она слышала, как он тарабанит по стеклу его машины. Куда же ты едешь? Неужели это стоит того, чтобы умереть? Ей не узнать ответа до самого утра. Возможно, аварию покажут в новостях, или Клара придёт на работу с заплаканными глазами. Теперь уже ничего не поделать. Велика вероятность, что он так и не нашёл её записку. Нужно было с ним поговорить. Посреди кафе. Остановить в проходе и сказать – сэр, дело в том, понимаете ли, что вы скоро, вроде как, умрёте. У мамыши за соседним столиком отвиснет челюсть, а папаша подавится жвачкой. Нет, это не игрушки. Стоило бы узнать у Клары поподробнее о мистере-завтраке: его имя, место работы, хоть что-то. Разыскать его. Предупредить по-настоящему, как следует. Без лишних

свидетелей. Только ему понадобятся доказательства, людям всегда нужны доказательства. А у неё их нет и никогда не будет. Он рассмеётся, в лучшем случае, или же даст ей пинка под зад. Записка была единственным вариантом. Возможно, он даже её не прочитал. Она узнает только завтра, а сегодня всё равно не уснуть.

Вместо Клары утром появилась Уилла. Вроде бы той нездоровится. Пищевое отравление. Уилла причмокнула и закатила глаза:

– Знаем мы про пищевые отравления.

Она считала Клару шлюхой, потому что та флиртowała с клиентами. Конкуренция не по части удачного замужества, а всего лишь чаевых. Их дают куда охотнее за толстую задницу в короткой юбке, нежели за уровень IQ или хорошую работу. Потому Пайпер никому и нигде не представляла угрозы. Вот только Клара могла действительно отравиться, или же мучиться с похмелья. Или она прямо сейчас оплакивала мистера-завтрака. А, возможно, они никогда и не услышат о его безвременной кончине. Едва ли полиция заявит в «кафе у Майка», чтобы сообщить двум официанткам о смерти их клиента.

Спустя полчаса, кафе заполнилось людьми. Спустя ещё полчаса, Пайпер удалось забыться в утренней суете. Омлеты с беконом, французские тосты, блинчики, бисквиты, картофельные оладьи, соски с подливой, яичницы:

– Как это, чёрт возьми, понимать? – её резко схватили за руку и потянули в сторону, когда она принимала очередной заказ.

Мистер-завтрак не улыбался. Его волосы были хаотично растрёпаны, а глаза распахнуты. Зрачки увеличены и затянуты тьмой.

– Простите?

– Мне нужно с вами поговорить! – процедил он сквозь зубы.

Пайпер принимала заказ. Она знала, что девушки хотят блинчики с ягодами, но должна была услышать это от них.

– Я занята, – он не собирался оставлять её в покое, это читалось в его сумасшедшем взгляде, – присядьте, пожалуйста, я подойду позже, как освобожусь.

До половины двенадцатого в кафе, по обыкновению, творился настоящий хаос. Эштон жарил яйца, Уилла варила кофе, а Пайпер бегала от стола к столу, раздавая счета и принимая заказы. Ей было жарко, по спине катился пот, в воздухе пахло подсолнечным маслом и беконом. Она чувствовала, что жарится вместе с ним. Мистер-завтрак сидел на красном диванчике в конце зала и не сводил с Пайпер взгляда. Она подливала ему кофе три раза, и все три раза он молча кивал головой. Пока, наконец, в половине двенадцатого не стало спокойнее.

Три пожилые дамы смаковали свои вафли, Уилла протирала соседние пустые столы, а Пайпер отправилась на обеденный перерыв. Уилла кивнула в сторону мистера-завтрака:

– Давно дожидается. Случилось что?

Пайпер покачала головой. Мистер-завтрак, заметив её приближение, резко смахнул волосы со лба и выпрямился. Она села на диванчик напротив него, положив руки на колени. Никто не проронил ни слова, вместо того оба, с интересом и опаской, разглядывали друг друга. У него были голубые глаза и морщинистая кожа. Глубокие морщины вокруг глаз и рта. Он шмыгнул носом и наклонился вперёд:

– Я прочитал вашу записку.

– Очевидно, – подумала Пайпер.

– Что всё это значит?

– Как вы поняли, что записка от меня?

Густые брови мужчины поползли вверх:

– Нет уж, сейчас моя очередь задавать вопросы, – он облизнулся, – и я отсюда не уйду, пока во всём не разберусь, – полез в карман и достал смятую бумажку, оказавшуюся салфеткой. Развернул, прочистил горло и принялся читать:

«Не садитесь за руль в дождливые ночи. Не знаю когда точно, но ваша машина выедет на встречную, и вы погибните. Можете мне не верить, но я бы на вашем месте не рисковала».

Он поднял голову и в ожидании посмотрел на Пайпер:

– Как это понимать? Откуда вы всё это взяли?

– Увидела во сне, – уверенно произнесла она, задрав подбородок. Ну уж нет, какой-то там мистер-завтрак не заставит её стыдливо спрятать голову в песок. Хочешь правды? Получай!

– Увидела во сне, – повторил мужчина, откинувшись на спинку дивана, – это какая-то шутка?

– Как хотите.

– Как хочу. Как хочу?

– Мне приснился сон, в котором я увидела аварию. За рулём были вы. Соглашусь, похоже на шутку.

– Но ведь такого не бывает...

– Снова соглашусь. Это всё? – Пайпер схватилась за край стола, надеясь, что их разговор завершился. Однако, мужчина резко дёрнулся и протянул руку в попытке её остановить, но, в последний момент, не решился к ней прикоснуться.

– Меня зовут Алек Нордман. Как ваше имя?

– Пайпер.

– Хорошо, Пайпер, я могу поклясться, что вижу вас второй раз в жизни. Впервые мы встретились три дня назад, здесь же, в кафе. Всё верно?

– Верно, – ответила она.

– Значит, мы друг друга не знали, но вам приснилась моя авария. Верно?

– Верно.

– Но почему?

– Без понятия, – Пайпер раздражённо вздохнула. Почему. Если бы к её способностям прилагалась какая-то инструкция или хотя бы распечатка с описанием, показаниями к применению и побочными эффектами. Но она не лгала. Она действительно не знала, почему ей снятся смерти совершенно незнакомых людей, – так как вы поняли, что записка от меня?

Столкновение плечами. Алек сказал, что ему хорошо знаком этот трюк, благодаря которому он собирал иногда по два-три телефонных номера за вечер. Так что записку он нащупал сразу, как только вышел из кафе. Однако, подумав, что это очередной номер, решил выдержать паузу. Алек признался, как на духу, будто находился не в «в кафе у Майка» с едва знакомой официанткой, а в исповедальне, что не особенного жаждал идти с ней на свидание:

– Вы не в моём вкусе, – сказал он, – простите.

Пайпер едва сдержала улыбку:

– Вы тоже не в моём вкусе, – ей показалось, что это будет самым правильным ответом. В конце концов, неожиданная откровенность мистера-завтрака её немного удивила.

Алек совершенно забыл про записку, пока через три дня не надел тот самый пиджак, собираясь отправиться поиграть в бильярд с Зигом и Хампфри. Он прочитал записку и обомлел. Нет, гадалки и прочие предсказатели – шарлатаны. Да, разумеется, он скептик. И не из пугливых, вот только после обеда в тот день начался дождь и всё лил и лил, не переставая. Ему пришлось бы возвращаться ночью, дождливой ночью. Не садитесь за руль дождливой ночью. Это, определённо, бред, но он остался дома. Не сильно-то и хотелось тащиться в бар и слушать, как Зиг опять жалуются на беременную жену. Нет, он не поверил дурацкому предсказанию. Да, разумеется, он скептик.

– Тогда почему вы здесь? – спросила Пайпер, внимательно выслушав рассказ Алека.

А вот это самое интересное. Он по утрам смотрит новости, собираясь на работу. И сегодня утром передавали экстренный выпуск, пока он пытался погладить рубашку.

На Мантгомери Роуд произошла авария. Лобовое столкновение. Сказали, что одна из машин выехала на встречную полосу. Оба водителя – белые мужчины среднего возраста – погибли:

– Мантгомери Роуд пересекается с Грегсон стрит, – Алек нервно сглотнул, – на Грегсон стрит тот самый бар «Медуза», где я должен был встретиться с друзьями.

Несколько секунд Пайпер сомневалась, стоит ли изобразить удивление или хоть как-то отреагировать, но решила попросту промолчать. Алек свёл брови и подозрительно прищурился:

– И часто вам такое снится?

Она скрестила руки на груди:

– Нет. Это впервые.

– Впервые? – с явным недоверием переспросил он.

– Именно. Впервые.

– И вы вот так сразу решили, что это непременно какое-то пророчество?

– Вообще, больше походило на обычный кошмар. Я о нём и не думала, если честно. Пока не увидела вас в кафе. Разве не подозрительно, что мне сначала снится смерть незнакомого мужчины, а потом я встречаю его наяву? Что бы вы сделали на моём месте?

Вопрос Пайпер озадачил Алека. Он постучал пальцами по столешнице и прочистил горло прежде, чем ответить:

– Да, наверное, я бы тоже... – кхе-кхе – попытался что-то сделать, предупредить... весьма смелый шаг. Вы – смелая девушка, Пайпер.

Это она знала и без него, но всё же улыбнулась, хоть и вышло натянуто. Она имела полное право – спасённый забрал у неё все полчаса перерыва, и, тем не менее, их разговор принёс Пайпер значительное облегчение. Мистер-завтрак жив и его подозрения развеяны. Ничего ей не хотелось больше, чем прожить спокойную и очень тихую жизнь. Почти невидимую. Только крутящегося вокруг любопытного нового друга ей и не хватало. Но теперь-то он должен был оставить её в покое, навсегда.

## Сони

### 3

Сони откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Полуденное солнце приятно припекало лысую макушку, склоняя его ко сну. Уже привычное дело. Как будто он выиграл в сонную лотерею и теперь не упускал возможности насладиться своим призом. Он уже и забыл, почему сегодня утром, смотрясь в зеркало перед выходом на работу, едва не плюнул в рожу тому мерзкому, бесполезному типу, плящущемуся на него с другой стороны.

Четыре года назад, получив звание капитана, а точнее, прогрызя к нему путь через бесконечные обучения и экзамены, Сони Бакстер мог со спокойной совестью просыпаться по будильнику. Первое время он хватал его спросонья и подносил к уху:

– Бакстер на связи.

Только услышав вместо ответа непрекращающийся звон, соображал, что теперь-то у него всё, как у людей. Женя Лидия была очень довольна, а это главное.

Она всегда варила ему кофе на завтрак. Наливала в бумажный стакан, чтобы он мог выпить его в машине. А теперь Сони приходилось вести светские беседы с Кивающим Карлом. Каждое утро тот приветствовал его возбуждённым кивком, двойным эспрессо (один сахар, без сливок) и тупыми вопросами:

– Как ваша пушка, капитан Бакстер? Ещё дымится? Стреляли вчера в плохих парней?

Но правда в том, что капитан Бакстер давненько ни в кого не стрелял. Сегодня утром, выйдя из душа, он посмотрел на себя в зеркало и едва не плюнул в рожу тому мерзкому, бесполезному мудаку, что таранился на него с другой стороны. Он недовольно сморщил нос, как если бы на него уселась назойливая муха, и тут же вышвырнул этот образ прочь из головы.

«Как считаете, почему вы здесь?» – спросила психотерапевт на самом первом сеансе. Сони потёр колючий подбородок. Посмотрел на неё внимательно, будто ответ был написан где-то на ней, мелким почерком. Дама-психотерапевт поджала губы, отвела взгляд и зачесала прядь волос за ухо. Затем повторила вопрос. Завтра она расскажет об этом своему психотерапевту. Сони так ничего и не ответил, молча встал и вышел из кабинета. А вот об этом она расскажет не только завтра, но и на сеансе через неделю.

Всё не потому, что его повысили и посадили в отдельный кабинет. И явно не потому, что подписывать бумажки и дремать в разгар рабочего дня оказалось не так увлекательно, как он ожидал. И уж точно не потому, что Лидия, так жаждавшая его повышения, умерла. Нет. Если есть психотерапевты, значит должны быть и те, кто их посещает. А подходящая причина найдётся всегда. Вы сами её подскажите, когда вас спросят:

«Как считаете, почему вы здесь?»

Когда они с Лидией встретились впервые, из неё сочилось лето. Её ноги были длинными и гладкими, блестели, словно натёртые воском. Она улыбалась широкой улыбкой и постоянно взбивала свои пышные волосы. Они познакомились в полицейской академии Флорвуда. Лидия помогала тёте в библиотеке, когда Сони поступил на курс. У неё было две страсти – книги и справедливость. Каждое воскресенье они гуляли по городу, заглядывая в книжные магазинчики и, порой, засиживаясь в них до вечера. Сони не особенно нравилось читать, но зато ему нравилось, как Лидия покусывала пухленькую нижнюю губку, растворяясь в очередной истории. Он наблюдал за движениями её вздымающейся груди, за наливающимися румянцем круглыми щечками.

Жалюзи на окнах были подняты, позволяя солнцу не просто войти, а разлиться по всему кабинету Сони. И пока тот дремал в заслуженном мягком кресле, оно резвилось на полу, на столешнице и на металлических шкафах. Через секунду-другую кабинет должен был заполниться сладким храпом, если бы дверь не отворилась с резким визгом. На пороге застыл мужчина лет тридцати, в чёрных джинсах и белой футболке. Его тёмные волосы были уложены толстым слоем геля, а глаза возбуждённо искрились:

– Капитан Бакстер! Сэр! – громко произнёс он, совершенно не сконфуженный видом дремавшего Сони. Тот неохотно продрал глаза, смочил языком высохшие губы и расправил плечи.

– Что такое? – он тоже не выглядел сконфуженным, скорее уж раздражённым. Оба прекрасно знали, что теперь он мог себе это позволить.

– Капитан Бакстер, срочное дело... – тараторил Риччи Эмброуз, раздражая Сони ещё сильнее.

– Срочное?

Кто ж откажется от срочного дела? Срочные – лучше всего. Вот если бы их можно было заказывать с утра, как завтрак в кафешке – мне парочку небольших, но срочных! Тогда бы Сони успел заранее подготовиться вместо того, чтобы сдерживать из последних сил зевоту.

Каждый детектив мечтал получить свой кабинет, где можно сесть в кресло и не вставать сколько угодно часов, пока по нужде не припрёт. Сони проработал в полиции больше двадцати лет. Ему нравилось быть детективом, находиться в самой гуще событий. Однако, Лидии захотелось стабильности.

– Ты слишком долго рисковал своей жизнью, – говорила она, – все эти годы мы ходили по тонкому льду. Пришла пора подумать и о себе. Я не собираюсь становиться старой вдовой.

Они и не стала. Это Сони – старый вдовец. Капитан Бакстер – начальник отдела криминальных расследований полиции штата Ваккама. Лидия произносила его новое звание с гордостью и трепетом. Теперь от него не требовалось прежней самоотдачи и безрассудства, нервов и бессонных ночей, непредвиденных рисков и самопожертвований. Теперь ему лишь нужно было наблюдать за тем, как всё это делают другие, и, время от времени требовать от них чуточку больше. И, хотя Сони, бывало, представлял, что вот-вот превратится в пень, облепленный паразитом-мхом, и его совсем перестанут замечать, он больше не рвался в бой. Ни одно дело, каким бы срочным и запутанным оно не было, не могло заменить Лидию.

– Капитан Басктер, вы меня слышите?

Сони вздохнул, ощутив неприятную сухость во рту:

– Слышу, слышу, – проворчал, – что там у тебя, выкладывай.

– Не совсем у меня, – Риччи обернулся и посмотрел за спину, – здесь детектив Пайн, из отдела пропавших.

Сони напрягся: задействование других отделов означало лишь одно: больше геморроя и бюрократии.

Риччи продолжил:

– Странное дело, капитан. Ему очень нужно с вами поговорить.

– Запускай, раз очень нужно, – Сони заёрзал на стуле, устраиваясь поудобнее. Застегнул пиджак.

Детектив Пайн выглядел забавно рядом с высоким и подтянутым Риччи Эмброузом. Он доставал тому до плеча и был весьма широк в талии. Его крупное лицо блестело от пота:

– Капитан Бакстер, – он протянул руку, которую Сони приветственно пожал, слегка приподнявшись.

– Садитесь, детектив. И ты тоже, Эмброуз.

Оба уселись за стол напротив него.

– Так что за срочное дело?

Детектив Пайн упёрся рукой в колено и наклонился вперёд:

– По правде говоря, у нас в отделе разводят руками, – скользнул взглядом на Риччи, а затем снова на Сони, – вчера в полицейский участок в Миртл поступило заявление об исчезновении девушки. Ещё через пару часов – исчезновение в Альдоне. А ещё через пару часов – в Бремменбурге.

– Люди исчезают чаще, чем хотелось бы, – сказал Сони, – к сожалению, в этом ничего удивительного нет.

Детектив Пайн беспокойно улыбнулся и кивнул:

– Нет... то есть да, вы правы. Но дело в том, что... во всех трёх случаях, вроде как, выходит, одна и та же девушка.

– А заявители разные?

– Так точно, капитан.

– Полагаю, есть ещё что-то, что вы хотите мне сообщить?

– Есть, – детектив снова посмотрел на Риччи и сглотнул, – заявители – трое мужчин. И каждый утверждает, что девушка – его невеста, и что исчезла она в один и тот же день.

– В трёх разных городах? – уточнил Сони.

– Да.

– Но для того, чтобы исчезнуть в трёх разных городах, она должна была находиться в трёх разных городах, разве не так, капитан? – подключился Риччи.

Сони тяжело вздохнул. Ему бы выпить холодненькой воды, может, тогда голова бы заработала. Он потёр нагретый солнцем лысый затылок:

– Когда они видели её в последний раз? – он обратился к Пайну.

– Примерно в одно и то же время, накануне вечером. А утром её уже и след простыл.

– То есть они видели одну и ту же девушку в одно и то же время в трёх разных местах. Откуда вам известно, что девушка одна и та же?

– Фото и имя полностью совпадают. Информация о ней в базе нашлась, хоть и очень мало. Но совершенно точно, что девушка такая одна.

– Могут быть тройняшки с поддельными именами. Вообще, вся история пахнет банальным мошенничеством.

– Я тоже так подумал, капитан, – поддержал Риччи, – так сразу и сказал детективу Пайну, что чем запутаннее кажется загадка, тем проще оказывается решение.

Сони кивнул. Когда-то он делился мудростью с молодым офицером Эмброузом, и сейчас был рад, что его в то время внимательно слушали.

– Согласен, звучит разумно. Мы тоже предположили, что эта самая девушка или девушки – обычные мошенницы. Вот только нет состава преступления. Ничего не пропало, никто не пострадал. Зачем заводить женихов, а потом в один день сбегать от них?

– Вопрос хороший, детектив Пайн. И ответов на него может быть масса. Полагаю, у вас уже есть версия.

Пайн посмотрел на Риччи, а затем снова на Сони, прочистил горло, как будто предупредительно, и, наконец, ответил:

– У меня тётка на картах гадает. Ну, знаете, таро и всё такое. Я не особо верю, но и не то, чтобы не верю совсем. Короче говоря, он мне позвонила на прошлой неделе и говорит – тебя, говорит, ждёт столкновение с магией. Совсем скоро, говорит, увидишь такое, чего не видел прежде.

Взгляд Сони тут же скользнул на фото, стоявшее на столе. В деревянной рамке с потёртой белой краской – винтажной, – поправила Лидия, – и намеренно состаренной. Она любила намеренно старить вещи, считая, что это придаёт им загадочности. В отличие от рамки, она выглядела молодой. Смотрела на Сони своими ярко голубыми глазами. Он любил это фото, потому что на Лидии не было косметики, и от этого ему казалось, что она перед ним настоящая. Иногда он боялся забыть, как она выглядела, без одежды, без косметики, без загара и кремов. Именно она, в своём первозданном виде. Когда-то у него была возможность смотреть на неё такую каждый день, а теперь её чистый, обнажённый образ медленно ускользал из его памяти.

В тот вечер они отправились на очередной ужин к полковнику Харрису. На подобных мероприятиях собирались важные люди и их не менее важные жёны. За столом слишком часто поднимались вопросы правосудия, жестокости, справедливости, как будто это было единственно возможной темой для разговоров, раз уж ты в среде копов. Жёны неизменно качали головами, прикрывали рты и печально вздыхали, обсуждая главный вопрос: «Почему люди идут на преступления?»

– Это просто ужасно.

– Деньги – главный мотив.

– Алчность превращает людей в животных.

– Низменные порывы...

– Страсти и измены...

– Мы разучились верить в Бога и забыли его заповеди...

– Полагаю, немалое влияние оказывают определённые факторы из детства, а так же и сам процесс воспитания в дополнение к общей семейной атмосфере, – голос Лидии всегда был голосом разума.

Она любила читать, но отнюдь не то, что было покрыто кружевом романтизма и наивности, не любовные похождения французских королей и не надрывные трагедии разбитых сердец. Она, скорее, была их тех, кого интересовала более рациональная сторона вещей. Нет, ей не казалось, что современные убийства имеют хоть что-то общее с Шекспировскими пьесами. Лидия могла бы найти объяснение даже необъяснимому, чем нередко помогала Сони в реаль-

ных расследованиях. Он вдруг раскраснелся, подумав о ней и о том, как она отреагировала бы на теорию детектива Пайна.

– Может, пойдём и поговорим с женихами? – Сони перевёл взгляд с фото на Риччи. Его глаза излучали столько понимания, что ему в очередной раз захотелось представить Риччи своим сыном, которого у него никогда не было.

Все трое встали и направились к двери. Риччи впереди, Пайн за ним, Сони шестивие. Эмброуз явно вёл их к комнате допросов под номером один. Что ж, если начинать, то с самого начала. Образ Лидии всё ещё не выходил у Сони из головы, как будто ей вдруг вздумалось стать его невидимой напарницей.

– Это обычное дело, – едва не сказал он, – тебе совершенно не о чем беспокоиться.

Но, подумав об этом, содрогнулся. Дурная примета. В ту ночь доктор тоже сказал, что ему не о чем беспокоиться, что ему стоит съездить домой и немного отдохнуть. «Не о чем беспокоиться» всего за считанные минуты превратилось в «не о ком беспокоиться».

Когда Лидия была жива, стыдно признаться, но Сони представлял её мертвой, представлял этот самый день и многие другие. После её смерти он проделывал тот же трюк, только наоборот. Невинные фантазии, отличавшиеся лишь тем, что первым суждено было однажды сбыться. Вторым – никогда.

За пару секунд до того, как Риччи повернул ручку серой двери, Сони услышал собственный голос будто со стороны:

– Что бы это дело ни готовило, тебе, и правда, не о чем беспокоиться, потому что больше нечего терять.

## Джемма

### 4

Меня воспитывали вне веры. Мы с отцом не ходили в церковь по воскресеньям, не молились перед едой и не носили крестиков на шее. Я даже не знала, крестили меня или нет. В детстве, пока у меня ещё было желание разговаривать с отцом, я не задумывалась о таких вещах. Сейчас это уже кажется бессмысленным.

– Здравствуй, папа. Мы с тобой не виделись столько лет! Но я тут заскочила спросить, крестили меня или нет?

Даже если у меня окончательно поедет крыша, и я заговорю об этом, он не скажет правды. Так у нас заведено – я спрашиваю, он врёт. Наверное, психотерапевт Селены от части права насчёт родителей. Отец научил меня врать. Это стало получаться само собой, незаметно. Как в день смерти Спуки. Я ведь не рассказала ему о своём сочинении. И потом не рассказала, что не спала ночами не из-за дурацких призраков в шкафу, а из-за мыслей о том, что убила свою собаку. Я сохранила его кожаный ошейник с маленьким колокольчиком. Сидела на скамейке, теребила его в руках и думала о Спуки. Он сейчас на небе, окружённый другими мёртвыми собаками, и каждая из них рассказывает о своей жизни:

– Меня очень любили и вкусно кормили, – говорит один пёс.

– А меня каждый день чесали за ухом, – говорит второй.

– А меня убила моя хозяйка, – говорит Спуки, опустив морду и роняя собачьи слёзы.

Со временем чувство вины прошло, а воспоминание о смерти Спуки превратилось в серое пятно – несчастный случай. Маленькие девочки в испытании психической устойчивости надирают задницы спецам из группы SWAT. Они горюют, вытирают сопливые носы, а уже на следующий день выпекают с мамочками шоколадные капкейки для школьной ярмарки. А ещё маленькие девочки очень быстро взрослеют и влюбляются. Тогда им становится окончательно плевать на мёртвых собак.

Я влюбилась в Тода Шоу с первого взгляда. Но, поначалу, это была не та любовь, когда теряешь над собою контроль, начинаешь пускать слюни и гадаешь, как вы назовёте будущих детей. Я не питала иллюзий на его счёт. В школе я не пользовалась особой популярностью или, выражаясь точнее, была середнячком. Среднячок – группа ребят, не отличавшихся какими-то заслугами, внешними данными, положением в обществе, и, потому, стекавшихся, словно притоки, в устье одной реки. Между нами не водилось близкой дружбы, но мы предпочитали держаться вместе, чтобы выжить. Мы могли обедать за одним столом, обсуждать домашнее задание в перерывах между занятиями, но так же прекрасно могли проводить время в полном одиночестве за книгой или Бог знает чем. Наше одиночество никого не заботило, ведь мы не принадлежали к клану настоящих одиночек. Мы были середнячком. И это прекрасно, куда лучше, чем то, что творилось с Сэнди Полак. Она держалась ото всех в стороне, но окружающих это очень волновало. Может, потому, что её мать жила с другой женщиной, похожей на мужчину. И эта муже-женщина частенько привозила Сэнди в школу. У неё была огромная грудь, квадратное лицо и короткая стрижка. Она всегда заправляла футболку в штаны, натянутые выше пупка. Она выходила из машины и ждала, пока Сэнди зайдёт внутрь после того случая, когда бедняжку перехватили у самого входа, отволокли на задний двор и стащили с неё юбку. Позже Норма Чандлер, сучка года, хлопала своими искусственными ресницами, отрицая любое причастие к случившемуся. А её дружок, тупица Билли, признался, что они всего-то хотели узнать, правда ли, что у Сэнди тоже есть член, как у одной из её мамаш.

У меня был только отец и всего один. Наверное, моя жизнь казалась другим невероятно скучной. Можно запросто догадаться, что будет дальше. Закончит школу, никто не запомнит её имени, даже директор. Вручая аттестаты, он прочтёт его в своём списке и подумает: это кто ещё такая? Потом увидит меня, поднимающуюся на сцену, и решит: хорошая девочка, но у меня так много работы. Я не в состоянии всех запомнить. Хорошая девочка получит средней паршивости образование, возможно, выйдет замуж за такого же невидимку, а, возможно, заведёт с десяток кошек. Я знала, что так думали все, но у меня была одна тайна, и эта тайна делала меня сильнее. Я не любила кошек. Не могла дождаться того дня, когда заявлюсь на встречу выпускников с огромным желтым питоном, обвившимся вокруг шеи. После такого моё имя точно не забудут.

Всё изменилось в один день. Я сидела на уроке английского, когда в класс вошёл Тод. Учитель назвал его имя и попросил ребят быть дружелюбнее. На что Тод отшутился:

– А мне, надеюсь, не нужно быть дружелюбнее? А то я как-то не подготовился.

Все рассмеялись, даже мистер Честер тихонько хихикнул. Я подняла голову и взглянула на Тода. Высокий, стройный, с томным взглядом и густыми бровями. На нём была чёрная футболка с надписью: «А вот и Джонни!», и я не смогла сдержать улыбку.

В нашей школе все всё знали друг про друга, а чего не знали, запросто выдумывали. Сучка года Норма без умолку трепалась с подружками о том, что Тод с матерью недавно переехали, что, вроде как, папуля умер. Я подслушивала их в раздевалке, пока они переодевались после физкультуры, запихивая носки себе в лифчики.

– Хреново расти без отца, – говорила Норма, – Что может быть ужаснее... постойка, Линда, что это у тебя торчит из трусов? Боже, какой ужас. Надеюсь, тебе хватит мозгов побриться перед поездкой на озеро? Или, клянусь, я сама лично тебя побрею. Так вот, о чём я говорила? Да, Тод, красавчик, правда? Если всё пойдёт по плану, через неделю я брошу Билли и... Серьёзно, Линда, отвернись, твоя мохнатость сбивает меня с мысли.

Как оказалось на самом деле, отец Тода сидел в тюрьме. Он долгие годы избивал мать, пока, наконец, не нашлось, за что отправить мерзавца за решётку. Мартина Шоу собрала вещи и вместе с сыном уехала из города. Тод рассказывал, что, в детстве, она приводила его к себе на работу в свадебный салон, и, пока невесты примеряли наряды, он сидел на диванчике и наблюдал за ними:

– Я был совсем маленьким, но помню эти дни очень хорошо, – говорил он, – каждый раз, когда девушка выходила в пышном платье, я срывался с места и забирался к ней под юбку. Меня никто никогда не ругал. Всем, почему-то, это казалось очень милым. «Ах, какой проказник», «От кого ты прячешься, солнышко?». А я, оказавшись под юбкой, чувствовал себя невероятно счастливым. Там было темно и тепло, у невест всегда были гладкие нежные ноги, за которые я хватался обеими ручонками. Мама называла меня дамским угодником. И ведь знаешь, таким я и был ровно до встречи с тобой. Больше мне не хочется залезать ни под одну другую юбку, кроме твоей. Может, ты меня заколдовала?

Мы не сразу нашли общий язык. Хотя, Тод клянётся, что заметил меня в первый же день, в первую же минуту:

– Ты сидела за партой и пялилась в книгу. Сам не знаю, почему я посмотрел именно на тебя. Но потом ты подняла голову, и я улыбнулся, а ты нет. Просто глазела на меня, как на идиота. Я помню, что даже немного смутился.

Сучка года Норма везде подсаживалась к нему и начинала распускать руки, а Тод подмигивал ей, вроде как давая разрешение. Но сам, с куда большим удовольствием, болтал с парнями. Даже тупица Билли не мог его ненавидеть. Пока руки Нормы блуждали под столом между ног Тода, Билли глядел на него, как на Иисуса, пуская слюни и повторяя: «Чувак!». Тод Шоу никого не боялся, спорил с учителями, носил футболки с цитатами из фильмов и с уверенной улыбкой глядел на всех из-под густых бровей.

Однако, у меня было преимущество, по сравнению с Нормой. Мы с Тодом ходили в школу Меримонт во Флорвуде, и, по счастливому стечению обстоятельств, оба жили в маленьком городке Квинси, в паре километров от школы. Среди тысячи жителей одним был Тод Шоу. Он всегда находился где-то рядом. Настолько рядом, что однажды мы всё-таки столкнулись с ним и его матерью в магазине. Тод поздоровался со мной, а миссис Шоу одарила приветливой улыбкой. Ох, как она рада познакомиться с одноклассницей сына. Какое чудесное совпадение, что мы живём неподалёку. Да, да, надо бы непременно пообщаться поближе за ужином. Я была на седьмом небе, хотя и не верила, что этот ужин состоится. Тод Шоу не подойдёт ко мне на перемене и не предложит заглянуть к ним сегодня часов в семь вечера. Нет, всё случилось совсем не так.

Если в семнадцать лет ты не трахаешься с кем-то из футбольной команды и не брешь лобок, то, скорее всего, вечерами ты смотришь сериалы или ведёшь дневник. Я усаживалась на широкий подоконник, слушала гудение ветра и наблюдала за звёздами. Где-то там целые галактики, неизведанные миры, Боги, Вселенные, инопланетяне. Мне казалось, что, когда я смотрю на них, они смотрят на меня. Изучают, наблюдают, посмеиваются. Им известны все мои тайны. Тод проходил мимо по школьному коридору, даже не замечая меня, а я шептала ему в след: «Доброе утро, моя любовь».

Я начала записывать свои мысли на бумагу после того, как однажды за обедом спросила отца:

– Как вы познакомились с мамой?

По негласному соглашению мы оба обходили эту тему стороной всю мою жизнь. Было вполне достаточно того, что мать мертва. Остальное казалось уже совершенно неважным. Но в семнадцать лет я только и думала, что о Тодде и моей пылающей любви. Казалось, весь мир был пропитан этой дурацкой любовью и всякой романтической ерундой. Будь я в своём уме, точно не полезла бы к отцу с такими вопросами. Он выглядел так, будто собирался схватить тарелку и запустить мне в голову. Она бы ударилась о мою лобную кость, а потом вернулась бы к нему в руку, словно послушный бумеранг. И он спокойно продолжил бы вечернюю трапезу.

К счастью, и я сама и моя лобная кость оказались вне угрозы. Отец всего лишь стукнул кулаком по столу и ничего не ответил. Тем вечером я впервые стала записывать мысли

на бумагу. А затем это сделалось привычным занятием. С бумагой оказалось легче, нежели с отцом.

То, что произошло дальше, я списала на чудо. Самое настоящее, о котором снимают документальные передачи. Когда люди смотрят в камеру, режут и дрожащим голосом рассказывают такие невероятные вещи, что волосы становятся дыбом. Например, о том, как в парня три раза ударило молнией, и он остался жив. Или о девушке, излечившейся от рака груди благодаря тибетским мантрам. Что-то похожее произошло и со мной.

Я валялась в постели уже несколько дней с температурой и соплями. От телевизора болела голова, спать уже не было сил, из доступных развлечений оставался только мой дневник, обтянутый голубым хлопком с розовыми фламинго. И я начала писать:

«Дорогой дневник, я хочу только одного – чтобы Тод вошёл в эту дверь, бросился ко мне и поцеловал. А потом... а потом мы бы поженились и уехали отсюда навсегда, только вдвоём! Хочу, чтобы Тод всегда меня любил.»

На следующий день примерно после обеда отец постучал в дверь моей комнаты:

– К тебе тут... пришли – он замялся и почесал макушку, – гости.

Какие у меня могли быть гости? Отец пожал плечами, как бы отвечая на мой немой вопрос. Дверь отворилась шире, и из-за его спины показался Тод, высокий, стройный, с томным взглядом и густыми бровями. Выглядел он по-настоящему шикарно в тёмно-синих джинсах и белом свитере.

Отец попятился назад, оставляя нас наедине. Позже я узнала, что чаще всего отцы не пускают мальчиков в комнаты к дочерям без присмотра. Не думаю, что отцу было совсем на меня плевать. Скорее, он растерялся от неожиданности. Ко мне первые пришли гости. Думаю, мы все, включая Тода, находились в некотором шоке.

Когда отец ушёл, я заставила себя снова посмотреть на Тода. И тут же осознала, насколько отвратителен мой вид. Ужасней некуда. Естественно. Вселенная не могла выбрать момента лучше, чтобы послать ко мне будущего мужа. Я не считала себя красавицей, но, одно дело – встречать любовь всей своей жизни без макияжа, в домашней футболке или даже с созревшим прыщом. И совсем другое – всё и сразу, плюс очарование затянувшейся простуды. Почему-то говорят, что всё и сразу получить нельзя. Очень даже можно. Я болела, чихала и кашляла во все стороны и, по-настоящему, как полагается, с соплями и слюнями. Голова не мыта уже четыре дня, так что в ней как раз должна была зародиться новая форма жизни. Брови не выщипаны, лицо бледное и впалое. Повсюду мокрые салфетки, запах лекарств и куриного бульона, который я буквально сегодня утром, разумеется, пролила на кровать и, разумеется, о смене белья даже не задумывалась. В общем-то, всё идеально. Идеально для первого свидания с парнем моей мечты.

О, это было свидание. Несмотря ни на что, одно из лучших в моей жизни. Тод был мил и обходителен, назвал меня по имени и спросил о самочувствии:

– Джемма, привет. Извини, что побеспокоил. Я переживал за тебя. Как твоё здоровье?

Тод Шоу переживал за меня. И это не сон. Я убедилась, пару раз ушипнув себя под одеялом за сосок. Самое чувствительное место. Но оно того стоило. Это был явно не сон.

– Вот, – он протянул пакет, – мама передала.

Я вытащила руку из-под одеяла и схватила его. Лак на ногтях облез, и выглядели они отвратительно. Я думала положить пакет на стол и спрятать руки назад, но Тод смотрел на меня с ожиданием, и я почувствовала, что должна открыть подарок. Это был свитер, с таким же длинным воротом, как у Тода, только зелёный, изумрудный. Тогда до меня дошло, что переживал не он, а его мать. Миссис Шоу заставила его навестить меня по-соседски. Наверняка всё было именно так. Прочитав разочарование на моём лице, Тод обеспокоенно спросил:

– Тебе не нравится?

– Нравится, очень, – я улыбнулась, – передай маме огромное спасибо.

– Хорошо, передам, – он топтался на месте, словно собирался что-то сделать или сказать, но никак не мог решиться. Я впервые видела его таким неуверенным и даже немного испуганным. Мы оба молчали, и вот Тод, кажется, начал отступать назад, к выходу, в тот самый момент, когда мне приспичило раскашляться. Горло резко зачесалось. Из меня искрами забрызгала слюна в разные стороны, глаза, наверное, выкатились, и я стала похожа на болотное чудовище, потому что Тод заметно побледнел в другом конце комнаты. Он стоял, раскрыв рот. Всё его тело напряглось, будто он готовился к прыжку, а я продолжала кашлять, размахивая руками. Горло жутко разболелось, словно его царапали осколками разбитого стекла, на глаза навернулись слёзы. Тод, наконец, пришёл в себя, бросился к столу и налил мне стакан воды. Его руки дрожали, а взгляд был таким потерянным и испуганным, что я едва не закричала:

– Беги, спасайся! Уноси ноги!

– В-во-от, д-держи, – заикаясь, он пихал мне стакан. Наконец, кашель стих. Я прерывисто дышала, пытаюсь успокоиться. Мне понадобилась помощь, чтобы приподняться. Тод склонился надо мной, осторожно схватился за подушку с двух сторон и приподнял. Он был так близко, что я могла чувствовать его дыхание: тёплое, лёгкое, мягкое. Его лицо на секунду оказалось рядом с моим, его щека случайно коснулась моей. В таком положении мы и замерли. Пока Тод меня не поцеловал.

Всё случилось очень быстро, но я запомнила каждую деталь, каждую сотую долю секунды. Его мягкие, влажные губы на моей щеке. Воздушное, почти незаметное касание, но оно было.

– Поправляйся, – с этими словами он выскочил из комнаты, словно его ужалила оса. Я не успела разглядеть его взгляд. Во взгляде всегда можно прочесть самое важное. Понравилось ли ему? Чего он испугался? Почему убежал? В принципе, ответы были очевидны. Понравилось ли ему целоваться с болотной жабой в эпилептическом припадке? Вряд ли. Испугался? А кто бы ни испугался такого чучела, извергающего свою заразную слюну во все стороны? Убежал? Да странно, что не улетел на космической скорости прямо через крышу!

Но мне очень повезло. Я ошиблась по крупному. Иногда ошибаться приятно. Я уже говорила, что случившееся дальше было настоящим чудом? Магией. Волшебством.

Когда я была ребёнком, наши соседи иногда брали меня с собой в парк. Пока они пускали воздушного змея, я сидела на лавке и наблюдала за ними. Однажды ко мне подседа девочка. Её звали Мелисса. У неё были запутанные волосы, будто их никогда не расчёсывали. А ещё она таскала с собой маленькую сумочку, набитую камнями.

– Зачем они тебе? – спросила я.

– Мама говорила, что камни обладают волшебной силой, – ответила Мелисса, разложив их на платье – и они могут разговаривать, правда, не все.

– Твои тоже разговаривают? – мне стало действительно интересно.

– Пока нет, но я продолжаю искать говорящие. Мама делала из камней амулеты и продавала по два доллара за штуку.

– Из тех, что ты собираешь?

– Иногда.

– Твоя мама – колдунья?

Мелисса кивнула в ответ. Тогда я подумала, что было бы здорово стать колдуньей. Я могла разговаривать с камнями и делать из них амулеты. Колдуньи знают разные заклинания, и их все боятся. Им всё и всегда сходит с рук.

– А твоя мама может наколдовать много мороженого? – спросила я.

Мелисса выбрала один камешек и выкинула его:

– Она сейчас на небесах. Я не знаю, разрешают ли на небесах колдовать.

После её слов мне почему-то расхотелось становиться колдуньей.

Когда мы читали «Грозовой перевал» в старших классах, мисс Лоттер качала головой и повторяла: «За всё приходится платить, дорогие мои. За всё приходится платить».

Эта история – история расплаты. И не только моей. Все платят. Все связаны, как нити одной гигантской платёжной паутины.

## **Пайпер**

### **5**

Прошло два дня, и мистер-завтрак вновь переступил порог «кафе у Майка». Теперь Пайпер знала его имя, но прозвище Клары надёжно к нему прилипло. Нельзя было не заметить перемен, произошедших с ним. Если в прошлый раз он излучал уверенность, широко расправив плечи и горделиво улыбаясь, то сейчас выглядел сутулым и задумчивым. Улыбка стала куда более робкой и мимолётной, чего не пропустила даже Клара:

– Мистер-завтрак сегодня не в духе, – сказала она, вернувшись с его заказом, явно разочарованная тем, что осталась без привычной дозы поднимающего самооценку утреннего флирта. Вскоре на смену разочарованию пришло раздражение, когда мистер-завтрак внезапно заговорил с Пайпер.

– Чего он от тебя хотел? – сразу же набросилась Клара, опершись на барную стойку и преградив ей путь.

– Ничего, – ответила та, ставя чистые кружки на поднос. Когда Клара подходила слишком близко, от приторного запаха её дешёвых духов в смеси с сигаретным дымом, можно было запросто задохнуться. Пайпер сделала шаг назад, увеличив между ними расстояние.

– Вы знакомы или как?

– Он приходил, когда тебя не было. Я принимала заказ. Ты долго собираешься тут стоять и мешать мне работать?

Никто не говорил, что они должны быть лучшими подругами. У Пайпер не было лучших подруг, да и вообще, подруг. К тому же, Клара ей не очень-то и нравилась. Пусть они и выручали друг друга, когда на кафе обрушивалось цунами посетителей, но каждая была сама за себя. Таково главное правило молодой одинокой женщины, как сказала однажды окольцованная Уилла.

Весь остаток смены Клара то и дело бросала на Пайпер косые взгляды, но о мистере-завтраке больше не заговаривала. Вернувшись домой, в свою крохотную комнатку с покосившимся шкафом и скрипящим столом, Пайпер бросила грязную форму на кровать и заметила, что из фартука торчала белая бумажка. Свёрнутая салфетка с номером телефона. Она подумала, что это даже забавно, но тут же остановила себя: не было ничего забавного в том, что мистер-завтрак не собирался оставлять её в покое. Он знал, где она работает, а это значительно всё усложняло. Мечта о тихой спокойной жизни, по крайней мере, в ближайшее время, рушилась у Пайпер на глазах.

На следующий день Алек не появлялся. И на следующий тоже. Однако, в четверг вечером, когда Пайпер выходила с работы, он дождался её, подпирая спиной кирпичную стену соседней прачечной:

– Вы мне не позвонили, – заявил он скорее задорно, нежели обиженно.

– Послушайте, – у неё была заготовлена речь на такие моменты, честное слово. Коротая и бескомпромиссная, но мистер-завтрак не дал ей шанса и начать.

– Нет, это вы послушайте, – он тут же опустил глаза, смутившись, и добавил с меньшим напором, – пожалуйста. Для меня это очень важно, понимаете? Вы, вроде как, спасли мне жизнь.

Спасла, а не вроде как – подумала Пайпер. Ну, и что с того? Могла бы и не спасать, так что вместо того, чтобы докучать, валил бы ты лучше...

– Я очень хочу с вами поговорить, – не унимался Алек, едва не истекая слюной, – может, мы выпьем где-нибудь кофе, или я хотя бы провожу вас домой?

Второго Пайпер допустить уж точно не могла. Не хватало ещё, чтобы он узнал её адрес, а потому пришлось тащиться в ближайшую кафешку через два квартала, куда надутый индюк-менеджер не принял её на работу.

Они расположились за столиком возле входа. Спустя пару секунд появилась молоденькая официантка с ярко голубыми тенями и красной помадой. Она назвала Алека по имени, смерив Пайпер презрительным взглядом:

– Старая знакомая, – неловко объяснил он.

Пайпер хотелось уйти. Ей не нужен был ни кофе, ни разговоры, ни очередной самовлюблённый бабник. Очаровательный подлец. Именно такие – самый опасный вид. Они не просто затащат в постель и исчезнут на утро без следа. Нет, они приготовят завтрак, заставят тебя поверить, что ты – особенная, влюбят в себя, прежде чем сбежать. По крайней мере, так закончилась история её бывшей соседки-актрисы – разбитым сердцем и залитым кровью полом в ванной.

Алек говорил красиво и правильно, улыбался заразительно, но при этом вёл себя на удивление скромно:

– Я помню, что не в вашем вкусе, – пояснил он, – поэтому воспринимайте эту встречу, как знак моей благодарности. Если же я могу ещё что-то сделать...

– Нет, – резко перебила Пайпер, – ничего больше не надо.

– Я – журналист. Пишу для Хаймсвилль Кроникл о спорте и религии. Едва ли вы такое читаете, если только не интересуетесь боксом и не следите за карьерой баптистских пасторов, – Алек улыбнулся, однако улыбка тут же исчезла, стоило ему посмотреть на серьёзную Пайпер, – в общем, я хотел сказать, что вот это, – показал пальцем на себя и на неё, – ваш сон и авария... это самое интересное, что со мной случилось за все тридцать пять лет жизни.

Пайпер сделала глоток кофе, не собираясь задумываться над его словами. Она время от времени поглядывала на большие круглые часы на стене. Короткая стрелка приближалась к девяти. Ещё пять минут и можно было смело распрощаться с приставучим мистером-завтраком. Теперь приставучести нашлось логичное объяснение. Соседка-актриса говорила, что журналист даже на свидании остаётся журналистом. Однако, Пайпер не было никакого дело до того, чем занимался Алек, когда не завтракал в «кафе у Майка»:

– Это, действительно, уникальный случай, – он облизнулся, заёрзав на стуле, – я бы сказал, сенсация.

Пайпер едва различала, о чём он говорит. Её внимание было сосредоточено на часах. Тик-так. Тик-так.

– Народ обожает сенсации. У нас в газете вам даже заплатят...

– Заплатят? – очнулась она, резко скользнув взглядом на Алека, – за что?

Заметив её настороженность, он снова облизнулся и прочистил горло. Действовать нужно было максимально деликатно.

– За интервью. Вы могли бы дать мне интервью. Такой материал – настоящая редкость, – Алек осторожно улыбнулся, – конечно, реакция будет спорная. Люди потребуют доказательств, но это уже не ваша забота. В нашем деле тем лучше, чем больше люди говорят.

По телу Пайпер пробежала острая холодная дрожь: несмотря ни на что, внутри неё всё ещё жила наивная двадцатидвухлетняя простушка.

– Если журналист приглашает тебя на ужин, – говорила соседка-актриса, – значит, он либо хочет залезть тебе под юбку, либо ему что-то от тебя нужно.

Он не первый и не последний. «Малышка получит вкусное мороженое, если назовёт Робби самую быструю лошадку». «Я свожу тебя в зоопарк, если расскажешь, изменяет ли мне этот гавнюк». «Эй, прочитай-ка по моей ладони, и мы поделимся косячком».

– Не будет никакого интервью, – заявила Пайпер, резко встав, – спасибо за кофе.

Алек бросил пару смятых купюр на стол и бросился на выход вслед за ней. На улице их встретила приятная лёгкая прохлада августовского вечера:

– Постойте, почему вы убегаете?

Она ничего не ответила, ускорив шаг:

– Я чем-то вас обидел? Если не хотите интервью, его не будет, я просто подумал...

– Подумал что? – Пайпер резко остановилась и посмотрела на него, уперев руки в свои тощие бока.

Он сделал пару глубоких вдохов, пытаясь восстановить дыхание:

– Что было бы здорово поделиться нашей историей.

– Нет у нас с вами никакой истории! – воскликнула она, – мне что-то приснилось, вы живёте и здравствуете, как и прежде. Не о чем здесь больше говорить, поэтому прошу – оставьте меня в покое.

– Но вы не поняли...

– Это вы не поняли.

– Послушайте же меня, – Алек вовремя удержался, чтобы не схватить её за локоть, – плевать на интервью!

Пайпер язвительно усмехнулась:

– Я серьёзно, – продолжил он, – буду и дальше писать о баптистах. Мне нравятся баптисты. Пожалуйста, только не уходите. Дослушайте меня.

– Наше общение бессмысленно. Вы продолжите задавать вопросы, но я не стану на них отвечать.

На его лице промелькнула улыбка надежды:

– Если проблема в этом, обещаю, что больше никогда не задам вам ни одного вопроса. И обещаю, что никакого интервью не будет. Вы ведь правы. Даже если бы я захотел вас обмануть и что-то опубликовать, мне бы не хватило фактов.

Не хватило фактов – повторила про себя Пайпер. Это так. Ему не о чем будет писать. Ему никто не поверит. История высосана из пальца. И всё же, их больше ничего не связывало, зачем тогда он давал ей ненужные обещания?

– Мы с вами не станем друзьями, и я не в вашем вкусе. Тогда почему вы не даёте мне уйти?

– Я же сказал, вы – самое интересное, что когда-либо со мною случилось.

Быть самым интересным в чьей-то жизни – огромная ответственность. И Пайпер вовсе не собиралась её нести. Не она жаждала общения с Алеком, а он добивался её внимания. Приходил в кафе каждый день и улыбался именно ей, спрашивал, как дела, пару раз дождался со смены и звал на ужин. Она не предвкушала романтического интереса. Его слова об интервью всё ещё крутились в голове, как отрезвляющее напоминание о его подлинной сути. Однако, время от времени, Пайпер позволяла себе видеть в нём мужчину, интересного, опытного, обходительного. Пусть даже на пару секунд, не больше. Например, когда он провожал её домой, рассказывая истории о владельцах кафе, ювелирных магазинов, ателье, встречавшимся им на пути.

– Я здесь родился и вырос, – говорил Алек, улыбаясь, – я многих знаю в Хаймсвилле, особенно в этой части. Мой отец проработал почти тридцать лет в ремонтной мастерской на Спринг Авеню. Сейчас там новый владелец, но внутри мало что изменилось.

К удивлению Пайпер, он сдержал обещание и не задавал вопросов. Всякий раз, как вопрос готов был сорваться с его языка, он останавливался и моментально исправлялся. Мастер перефразирования. Повелитель слов. Третьесортный писака. Пайпер прочла пару его статей для интереса, никакого интереса в них не обнаружив. И, тем не менее, она подумала о

том, что даже большой талант можно загубить дерьмовым применением. Возможно, в Алеке умирал непризнанный гений.

Вскоре из мистера-завтрака он превратился в мистера без вопросов. Почти всё время, что они проводили вместе, он рассказывал о себе:

– Почему ты откровенничаешь со мной? – спросила однажды Пайпер.

Алек пожал плечами и странно посмотрел на неё:

– Чёрт его знает. Но интуиция подсказывает, что тебе можно доверять.

Интуиция его не обманывала. Пайпер знала совсем немного чужих секретов, однако, хранила их так же бережно, как и свои собственные. Ей нравилось, что Алек много говорил о работе. Будто того недоразумения с интервью и не было вовсе. Ещё он говорил о том, что в свободное время пишет. Так, ничего серьёзного. Когда-то ему хотелось... Но потом не сложилось... И, вообще, всё не просто...

Уже спустя месяц они ходили в кино, гуляли по парку и знали совершенно точно, кто сколько сахара кладёт в кофе и как готовить яйца на завтрак. Даже Клара смирилась с их неожиданным сближением и сдалась без боя. Теперь стоило Алеку зайти в кафе, она поддевала Пайпер:

– Твой мистер-завтра пришёл.

Примерно в то же время он и начал рассказывать ей об отце. Совсем немного, кусочек за кусочком. Он говорил о Нью-Йорк Таймс и больших возможностях, и о болезни отца. О том, что в день его похорон шёл сильный дождь. Их соседка поскользнулась на траве и скатилась прямо в могилу на гроб. О том, что под самый конец отец называл его Куртом и кричал, что у Шейлы одна грудь больше другой. О том, что когда-то он мечтал уехать в Большое Яблоко и прославиться.

Алек говорил, сидя на лавке возле фонтана на площади Тимбрук и жуя хот-дог:

– Вечер пятницы отец называл разгрузочным. Сразу после работы шёл в пивную со своими дружками, а возвращался с подружками. Красавцем он не был никогда, и всё время шурился, да и руки вечно грязные, но женщинам нравился.

Алек говорил, наблюдая за звёздным небом по дороге из кино:

– Он назвал меня бездельником, когда я выбрал журналистику. Он считал бездельниками всех, кто работал головой, а не руками. Когда у него нашли рак лёгких, я сперва подумал, что он заболел мне назло, чтобы я не смог уехать в Нью-Йорк.

Алек говорил, стоя в очереди за сладкой ватой на местной ярмарке:

– Я бы мог уехать после его смерти, но здесь, вроде как, сложилось с работой, да и что делать в большом городе без знакомств? Где родился, там и пригодился.

Алек говорил, касаясь сухими губами шеи Пайпер:

– Ты – настоящий подарок судьбы. Ты спасла меня не только от смерти, но и от смертельно скучной жизни.

Наконец, прижавшись щекой к его волосатой груди, заговорила Пайпер:

– Мне и раньше снились странные сны. С самого детства.

– Я знал, что ты особенная, – он крепче прижал её.

– Иногда я слышу голоса.

– И что они говорят?

– Бывает, что всякие глупости, которых мне не понять. А порой просят о помощи.

– Думаешь, это призраки?

– А ты веришь в призраков?

– Я верю тебе.

Алек всегда находил правильные слова.

– Ещё бывают видения. Как короткие фильмы.

– А я до сих пор мечтаю издать роман и прославиться. Считаешь, мы парочка сумасшедших?

Пусть так, думала Пайпер, но теперь это было неважно. Сумасшедший-одиночка – жалкое зрелище. Двое сумасшедших – сила.

Она прежде не курила, но когда он предлагал, всегда соглашалась. Дым их сигарет смешивался в воздухе, и в такие моменты было невозможно различить, где заканчивался Алек, и начиналась Пайпер. Вся его квартира пропиталась дымом. Они курили, сидя на широком подоконнике в спальне.

– Ты слышала о спиритическом салоне мадам Дидье? – спросил он.

Пайпер покачала головой. Нет, она о таком не слышала.

– На пятом авеню.

– Она гадалка?

– Кто? Мадам Дидье? – Алек выпустил дым, – нет, насколько мне известно. Она управляет салоном, но сама не гадает. Она была одной из подружек моего отца, той, что задержалась дольше, чем на ночь.

– Ты хочешь, чтобы мы с ней встретились?

Он перевёл на неё взгляд:

– Читаешь мои мысли?

– Нет, – честно ответила Пайпер.

Алек кивнул и снова затянулся:

– Мне кажется, это лучше, чем работать официанткой. И там никто не примет тебя за сумасшедшую. Ты была бы среди своих.

– Среди своих, – шёпотом повторила она, – не знаю...

– Только подумай. Ведь тебе больше не придётся подходить к незнакомцам на улице или в кафе и сообщать о надвигающейся смерти, – он улыбнулся, – они сами будут приходить к тебе. Ты сможешь по-настоящему помогать людям, а не подносить им чёртовы бургеры с картошкой, понимаешь? Мне не нравится, что тебе приходится крутиться вокруг вечно голодных идиотов с подносом.

– Алек, не надо...

– Я не принуждаю тебя, просто говорю. Ты подумай, сама подумай. Давай хотя бы заглянем туда, хорошо?

Пайпер идея с салоном сразу не понравилась. Она не стремилась использовать свои способности, а, скорее, наоборот – спрятать их как можно дальше. Однако, уже в конце недели она стояла напротив большой стеклянной витрины с надписью «Мадам Дидье: гадания и предсказания».

Внутреннее освещение было достаточно приглушённым. Сердце Пайпер забилося быстрее при виде целой очереди женщин, потягивающих чай за крохотными столиками, вероятно, в ожидании своей очереди.

Мадам Дидье, она же Синтия Кокс, женщина в возрасте, с короткими волнистыми волосами с проседью и широкой спиной, приняла их дружелюбно и тепло. Они прошли в её кабинет – небольшую комнату с роскошным деревянным столом и тяжёлыми занавесками:

– Значит, вы утверждаете, моя дорогая, что обладаете... – она сделала паузу, постучав огромными красными ногтями по столу – способностями, не так ли?

– Можешь не сомневаться, я готов за неё ручаться.

Синтия наградила Алека театральной улыбкой:

– Это чудесно, дорогой, однако, ты же понимаешь, что у моего заведения есть репутация. Я не могу брать всех и каждого лишь потому, что за них кто-то ручается. Что вы умеете? – она обратилась к Пайпер, – раскладывать карты?

Та покачала головой.

– Может, гадать по ладони или чайным листьям?

Пайпер растерянно посмотрела на Алека и снова покачала головой. Мадам Дидье потянулась за сигаретой:

– В таком случае, едва ли вы нам подходите.

– Но мне не нужны ни карты, ни чайные листья.

– Это прекрасно, только в нашем деле без всей этой мишуры далеко не уедешь. Если ты не раскладываешь карты или не зажигаешь свечи, люди считают тебя шарлатаном.

– Но я не...

Алек сжал её руку:

– Синтия, просто дай ей шанс. Она способна на такое, что твоим цыганкам и не снилось.

– Послушай, дорогой, мой дед был потомственным колдуном в Новом Орлеане. Я тоже кое-чего умею. Например, чувствую, когда мне пытаются запудрить мозги...

– Маленькие вруньи остаются без ужина. Большие вруньи попадают в ад, – внезапно произнесла Пайпер. Лицо Синтии вытянулось и побледнело. Сигарета выпала из руки на стол. Спустя секунду она выставила Алека за дверь и продержала Пайпер у себя в кабинете около получаса. В итоге её приняли на работу с единственным условием:

– Начинаешь сегодня же вечером!

## **Сони**

### **6**

Комната допросов называлась среди своих «Коробкой». Сони соглашался, что даже у того, кто находился на стороне закона, «Коробка» вызывала ощущение дискомфорта и изолированности. Никто не любил находиться в ней подолгу, а у Сони, вдобавок ко всему, ещё и начинала раскалываться голова. Теперь он редко присутствовал на допросах лично, но всё же приходилось порой. Как сейчас. Вместе с Риччи и детективом Пайном они вошли в «Коробку» под номером один. За столом в центре сидел мужчина. Парень – подметил Сони, – лет двадцать пять, двадцать семь. Лидия была в восторге от его способности угадывать возраст людей. Говорила, что ему нужно идти на телевидение.

– Добрый день, меня зовут капитан Сони Бакстер, отдел криминальных расследований – представился он. Отодвинул со скрипом один из двух стульев и присел. Детектив Пайн поглядел на Риччи, а когда тот кивнул, оставшись стоять возле двери, занял второй стул.

– Уилли Портер, – тихим голосом ответил парень. Он выглядел крохотным и очень худым, совсем как подросток. Волнистые волосы были убраны за оба уха, открывая лицо и острые скулы. Широкая чёрная толстовка висела на его узких плечах. Из-под густых сраставшихся к переносице бровей на Сони смотрели усталые карие глаза. Под определённым углом он даже походил на девушку, совсем юную, однако, в том, как он держался, не было и намёка на трогательную наивность. Мистер Портер не стеснялся и не боялся, а скорее выглядел искренне измученным и, если присмотреться повнимательнее, отчаявшимся.

– Мистер Портер, – заговорил Сони, – введите меня в курс дела, – глаза парня тут же распахнулись.

– Но я уже всё рассказал детективу Пайну, – в длинном предложении его голос прозвучал хрипло и мужественно.

– А теперь расскажите мне.

– Вы считаете, что Пайпер мертва? Что её убили? – Уилли вдруг метнул взгляд на детектива, от чего тот вздрогнул и заёрзал на стуле.

– Нет, мы... – прочистил горло, – мы просто хотим как можно скорее во всём разобраться и помочь вам, мистер Портер.

– Но как мне может помочь отдел криминальных расследований? Разве вы не занимаетесь убийствами? – парень посмотрел на Сони, и его взгляд при этом едва заметно смягчился. Сони

располагал к себе и вызывал доверие. Это случалось всякий раз, как двое детективов входили в «Коробку» – хороший коп, плохой коп. Только он не был ни тем, ни другим.

– По какой-то причине, они видят в тебе человека, – говорила Лидия, – а не суровую руку закона.

– Убийствами в том числе, – Сони уверенно ответил, – но сейчас наша задача отыскать вашу невесту, разве не так, мистер Портер? Расскажите мне всё, что произошло, с самого начала. Уверен, вы понимаете, насколько важно время в нашем с вами положении.

Уилли на несколько секунд замолчал, опустив взгляд. Его руки лежали на коленях под столом, усиливая сутулость и делая его ещё хрупче на вид. Наконец, он заговорил, не поднимая головы: устало, медленно, лениво, как будто соглашаясь, что время важно, но, вместе с тем, выражая протест. В «Коробке» неизменно протестовал каждый, кто туда попадал. Тем или иным способом:

– Пайпер Грот, моя невеста, пропала два дня назад. Вечером накануне исчезновения мы зашли поесть вафель, потом я проводил её домой. До самой двери. Я видел, как она вошла внутрь.

– В котором часу это было? – спросил Сони, достав небольшой блокнот из кармана пиджака и тут же сделал пометку.

– В двадцать два ноль пять.

Ещё пометка. Удивлённый взгляд:

– Откуда такая точность?

Уилли вздохнул так, будто собирался объяснить нечто до неприличия элементарное:

– Когда я пришёл домой, то сразу посмотрел на часы. Я всегда смотрю на часы, ведь вы сами сказали, капитан, что время важно. Было двадцать два двенадцать. От моего дома до дома Пайпер идти ровно семь минут. Я неоднократно засекал, так что можете мне поверить. Значит, мы расстались с Пайпер ровно в двадцать два ноль пять.

– Хорошо, и что было дальше?

– Я немного поработал, затем лёг спать. В семь сорок утра я вышел и направился к Пайпер, чтобы проводить её на работу. Постучал в дверь, но никто не открыл. У неё был запасной ключ под глиняным горшком слева от двери. Я достал его и вошёл в дом, стал звать Пайпер, но она не отзывалась. Тогда я вошёл в спальню и увидел, что постель заправлена. Странно, но я решил, что она ушла без меня, хотя с тех пор, как мы стали встречаться, я всегда провожал её на работу. Тем не менее, я отправился в продуктовый магазин, но мистер Торн, владелец, сказал, что Пайпер ещё не приходила. Я вернулся домой и стал звонить ей на мобильный. Он оказался выключен, тогда я понял, что случилась беда.

Сони поджал губы и едва заметно кивнул. Уилли Портер держался спокойно и сдержано. Каждое его слово имело смысл, каждая деталь идеально состыковывалась со следующей за ней. Парнишка был или идеальным свидетелем, или опаснейшим преступником.

– Почему вы так подумали? Разве она не могла просто уехать? Возможно, у неё были дела, о которых вы не знали?

Уилли внимательно выслушал предположения капитана и, когда тот выжидательно замолчал, покачал головой, но так ничего не ответил.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен.

– Почему?

– У нас были доверительные отношения.

– Чужая душа – потёмки, мистер Портер, – задумчиво произнёс Сони, – даже самые близкие порой преподносят нам сюрпризы. Насколько хорошо вы были осведомлены о её прошлом?

– Прошлое не имеет для меня значения, капитан Бакстер. Прошлая Пайпер могла быть кем угодно, но я знал её настоящую.

– И какая же она настоящая?

Уилли опустил глаза. Его грудь медленно поднялась и опустилась:

– Осторожная, внимательная, ответственная, справедливая, застенчивая, спокойная, молчаливая, преданная. Она согласилась выйти за меня замуж спустя три месяца после нашего знакомства, и знаете, почему меня это не смутило?

Сони напрягся, уловив краем глаза, как детектив Пайн снова заёрзал:

– Пайпер сказала – продолжил Уилли, впившись взглядом в капитана, – что не любит меня. Она сказала – ты должен понимать, что я не люблю тебя сейчас. Возможно, однажды смогу полюбить, но пока мне достаточно того, что ты – хороший человек, который меня не обидит. Но достаточно ли этого тебе?

– И как? Достаточно? – спросил детектив Пайн с неподдельным интересом в голосе.

Отвечая, Уилли продолжал смотреть на Сони:

– Да, более чем. Я был уверен, что проведу жизнь в одиночестве, потому что едва ли подхожу под определение современного принца. А ведь только с принцами случается любовь, по крайней мере, в том гиперромантизированном виде, в котором она воспринимается обществом. Но я не нуждался ни в ком, не нуждался в понимании, в одобрении, в поддержке. До тех пор, пока не встретил Пайпер. Нам было хорошо вместе, потому что мы не принц и принцесса. Но у каждого из нас было именно то, чего, как оказалось, не хватало другому.

– Вы говорите «было», – подметил Сони. Его слова прозвучали не как вопрос, но Уилли поспешно на них ответил.

– Полагаю, если бы речь шла о простом исчезновении, вы бы занимались поисками Пайпер, а не разговорами со мной – он облизнул верхнюю губу, – мне двадцать пять лет, капитан Бакстер. Возможно, большую их часть я и провёл за компьютером в своей комнате, но это не означает, что я не понимаю разницы между розыском пропавшего и криминальным расследованием.

Сони свёл брови на переносице и сжал челюсть. Свидетель или преступник? Пропать увеличивалась, и он знал, что рано или поздно ему придётся выбрать в какую сторону совершить прыжок веры. Именно так. Иногда надо было просто поверить:

– Пока никакого расследования нет, мистер Портер. Мы собираем информацию. Нам нужно восстановить картину событий максимально подробно.

– Но я уже рассказал вам всё, что знаю.

– Альдон – крошечный городок, – ни с того ни с сего Сони перенаправил ход разговора, – ваша невеста была местной?

– Нет – ответил Уилли, – она приехала совсем недавно. Примерно за пару недель до нашего знакомства.

– И как же вы познакомились?

– В магазине, где работала Пайпер. Он недалеко от моего дома, и я покупаю еду именно в нём каждый день кроме воскресенья. Однажды она спросила – почему я беру так много шоколада и яиц. Она улыбалась, ей показалось это странным, но в забавном смысле. Не в том смысле, что я идиот, а в хорошем смысле. Странным в хорошем смысле. Я сказал, что они помогают стимулировать и поддерживать работу мозга. Важно правильно питаться. Я немного ем, но только то, что нужно. Излишнее пресыщение замедляет мыслительные процессы. Я же делаю всё, чтоб их ускорить. Ей понравилось то, что я рассказал.

– Чем вы занимаетесь, мистер Портер? Где работаете?

– Дома, – с гордостью приподняв подбородок, ответил он, – в своей комнате. Я пишу компьютерные программы, вирусы, шифровальные коды, но эта информация не представляет для вас и для расследования никакой ценности, поверьте.

Расследования. Сони ещё крепче стиснул зубы, однако, решил парнишку не исправлять. Зато слегка прищурился, дав ясно понять, что слушает очень внимательно:

– Возможно, вы и правы, но скажу по собственному опыту – никогда не знаешь наверняка, какая информация окажется по-настоящему ценной в итоге, – Уилли свернул губы трубочкой и отвёл взгляд, – вам известно, зачем Пайпер приехала в Альдон?

– Есть только предположение. Думаю, она хотела начать сначала.

– Начать что?

– Свою жизнь.

Лишь покинув «Коробку», Сони осознал, что во время всего разговора с Уилли Портером находился в неосознанном напряжении. Теперь его тело немного расслабилось, и по нему тут же разлилось тяжёлое тепло, вызывая желание поскорее присесть и закрыть глаза.

– Парень что-то не договаривает, – впервые заговорил Риччи, как только все трое оказались в коридоре, – не нравится он мне. Шифровальные коды, сэр, это серьёзное дело. Можно копнуть глубже.

– А я уверен, что парнишка ни в чём не виноват, – включился детектив Пайн – Он, конечно, далеко не дурак, но и не убийца. Если эту Пайпер вообще кто-то убил. Сбежала, скорее всего. От такого чудилы любая сбежала бы.

Детективы переглянулись между собой, а затем посмотрели на Сони, но тот загадочно молчал. История, рассказанная Уилли, была совершенно обычной, даже немного скучной, говоря начистоту. Однако, подумав о том, что в двух соседних комнатах его, возможно, ожидали две таких же скучных истории, он содрогнулся от подкрадывающегося беспокойства.

## Джемма

### 7

Последний год учёбы в школе мне запомнился практически по дням, невероятно чётко и детально. Начиная с того момента, как Тод впервые вошёл в наш класс. Я помнила все свои обеды, во время которых, делая вид, что слушаю кого-то из середнячков, наблюдала за тем, как Тод поедает йогурт, слизывая остатки языком прямо со стенок пластикового стаканчика. Я помнила, как было тепло даже поздней осенью, как учителя промокали носовыми платками вспотевшие лбы, а я искала возможности пройти мимо Тода и задеть его, чтобы на моём теле остались хотя бы микроскопические частицы его пота. Я помнила сучку года Норму Чандлер и её костлявые руки, обвивающиеся вокруг Тода, словно ядовитый плющ. В какой-то момент, она окончательно потеряла стыд и продемонстрировала свою похотливость прямо перед дурачком Билли. Она обрывала его на полуслове:

– Тсс, тише, – если в это же время начинал говорить Тод.

Она носила обтягивающие джинсы, которые казались мне ненастоящими, кукольными, такими узкими и крошечными, что в них могла поместиться разве что бейсбольная бита, но не человеческая нога. Норма не раздражала меня прежде так сильно, как с появлением Тода. Катализатор. После инцидента с поцелуем мне казалось, что ничего не изменится. Тод Шоу целует кого хочет. Я лишь надеялась, что это не аукнется мне неприятностями. Неосторожно брошенное слово, безобидная шутка, кто-то пронюхает о случившемся и начнётся мой личный апокалипсис. Из середнячков меня быстренько переведут в категорию похуже одиночек – во всеобщее посмешище. Как Мэри Гарфилд, у которой пошли месячные во время урока, отпечатавшись огромным красным пятном на бежевой юбке. Казалось бы, Мэри ни в чём не виновата, однако, школа похуже суда. Захочешь оправдаться – никто не станет тебя слушать, попытаешься найти адвоката – обвинят вас обоих. В школе выносят приговор без разбирательств и слушаний. Мэри стали называть «кровавой Мэри». Ей так и не простили маленькой оплошности, допущенной природой. Страшно было представить, какая бы участь постигла меня.

На следующее утро после поцелуя, Тод впервые поздоровался со мной. Я открывала свой шкафчик, когда он проходил мимо со Стивом МакКуином из футбольной команды. У Стива всегда был слегка приоткрыт рот и опущены веки, будто он дремал, однако, на футбольном поле всё менялось, словно по волшебству. Его прозвали ракетой. Они прошли мимо, о чём-то болтая. Я бы отдала полжизни, лишь бы узнать, о чём. Если бы Стив спросил:

– С кем это ты сейчас поздоровался?

Что бы ответил Тод? Как бы представил меня? Джемма. Моя соседка Джемма. Одноклассница. Да так, никто. Идиотка, обрызгавшая меня своей заразной слюной на днях. Сучка года Норма сотрёт меня в порошок.

Если не из-за приветствия, то определённо из-за того, что Тод Шоу остановился передо мной на своём чёрном Шевроле Камаро и предложил подвезти до дома. Я настолько растерялась, что сразу же согласилась. Вот только не помню, как оказалась в машине и о чём мы говорили. Вроде бы ни о чём. Мне было страшно дышать, двигаться, моргать. Сейчас чары рассеются, и Шевроле Камаро превратится в тыкву. Всё моё тело было настолько напряжено, что я почувствовала себя каменной статуей, не способной пошевелиться. Когда мы подъехали к моему дому, Тод повернулся и спросил:

– Не хочешь съездить вечером в кино или перекусить где-нибудь в городе?

Возможно, я кивнула. Или же подала какой-то другой знак согласия, потому что через секунду он произнёс:

– Круто, заеду за тобой в семь.

Каким бы невероятным не казалось всё происходящее, по-настоящему мне не давал покоя лишь один вопрос: что Тод Шоу собирается сделать со мной? Я вполне допускала, что его кто-то подговорил, вроде Нормы, которая как раз находилась в поиске очередной жертвы для своих нападков. Он мог с кем-то поспорить или решить развлечься по собственной инициативе. Я не просто ожидала подвоха, я знала, что он произойдёт, и всё равно продолжала играть в его игру.

Мы очень быстро стали главным предметом местных сплетен, но, как ни странно, так же быстро интерес к нам пропал. На нас продолжали удивлённо поглядывать, порой я улавливала шёпот:

– Что он в ней нашёл? Везучая сучка. У неё что, волшебная вагина?

Но мне стоило догадаться, что никто не посмеет выступить против, даже Норма. Никто не отважится оспорить решение Тода Шоу или, не дай Бог, усомниться в его адекватности. Он обнимал меня за талию, и все нервно проглатывали ком изумления, возвращаясь к своим делам. Это, конечно, странно, но дело твоё, чувак – настроение ощущалось примерно таким. Тода Шоу почитали, как божество. И это божество собиралось в скором времени меня уничтожить.

А пока у нас развивались отношения, да-да, самые настоящие отношения, как у парня и девушки. Я сама пребывала в постоянном состоянии шока, могла подолгу смотреть в одну точку, резко дёргалась, вздрагивала, даже начала заикаться. Следовало быть всё время на чеку, но получалось обратное. Я словно проваливалась в полузабытьё. Несколько раз меня возвращали в реальность якорем одних и тех же вопросов: о чём размышляла? Но если бы они только знали – учителя, середнячки, – что я вовсе не мечтала, а просто-напросто пыталась переварить происходящее. Вела диалог с самой собой:

– Ну, какие будут идеи? Почему Тод Шоу выбрал нас?

– Не знаю, шутки ради.

– И когда ожидается кульминация?

– Не знаю, мы пока даже не целовались.

– Ждёшь, чтобы всё зашло слишком далеко? Готова лишиться с ним девственности?

– Да не знаю я, говорю же, толком не целовались ещё.

– Ну, а дальше-то что? Опрокинет тебе на голову ведро с каким-нибудь дерьмом на выпускном балу?

– Это из фильма?

– Это будет из твоей жизни, если не дашь ему отворот поворот.

– Но как же его дать? Он ведь так мил со мной.

– А по ночам ищи эту милость между ног у сучки года Нормы. Или нет?

Справедливости ради замечу, что с того момента, как между мной и Тодом завязалось что-то вроде настоящих отношений, он начал сторониться Нормы. Пару лет назад Мэтью Хаммер из параллельного класса подкатил ко мне на школьных танцах со словами:

– От тебя так вкусно пахнет. Лавандовый лосьон для тела?

После этого я тоже начала его сторониться, только иначе. В буквальном смысле. Завидев его в коридоре, я тут же сворачивала, пряталась по углам, закрывала лицо учебником. Случай Тода я окрестила «уверенным избеганием», когда сторонисься, но не трусливо, как я, а вполне откровенно. Проходишь мимо и даже не смотришь, не отзываешься, когда с тобой пытаются заговорить, убираешь руку, когда её кладут тебе на колени. Для меня это было чем-то невероятным. Когда однажды Мэтью Хаммер поймал меня в столовой и предложил съездить вечером на озеро искупаться, я решила, что он непременно собирается меня убить, и всё равно не нашла в себе сил отказать. К счастью, бедняга Мэтью отравился лазаньей в тот же день, и наши планы благополучно рухнули.

Тод Шоу умел говорить «нет» ловко, прекрасно и неподражаемо, будто где-то обучался этому древнему искусству. Норма кусала ногти и похудела ещё сильнее. У неё выпирали бедренные кости, а скулы сделались такими острыми, что, задев их, можно было порезаться. Я частенько ловила на себе её взгляды, полные презрения, ненависти, злости, непонимания, обиды, и всё же, дальше взглядов дело никогда не заходило. Возможно, потому что практически всё время со мной рядом находился Тод. Или же она боялась, что, насоллив мне, разозлит его. Или же они отлично спланировали свой маленький спектакль и со всей ответственностью вжились в роли. Я была уверена в последнем. С чего вдруг сучке года Норме бояться кому-то навредить? Ничто не останавливало её прежде. Никто не стоял на пути между ней и очередной невинной жертвой её безжалостного террора.

Спустя пару месяцев я пришла к неприятному выводу о том, что начинаю доверять Тоду. К тому времени мы уже довольно много целовались, он даже трогал мою грудь через бюстгалтер. Моё тело больше не было таким напряжённым рядом с ним, как раньше. Оно реагировало на его присутствие теплом и лёгкостью. Стоило его рукам сомкнуться у меня на талии или же прижаться к моей спине, как я превращалась в комок мягкого податливого теста – крути, взбивай, меси, как вздумается. Кажется, мы достигли того уровня близости, когда не боишься спросить: «у меня не размазался кетчуп вокруг рта?».

Прямо пропорционально нашему с Тодом сближению, усиливалась одержимость Нормы. Она крутилась вокруг него незаметно, словно тень. Стоило мне посмотреть на него, как где-то на заднем фоне тут же возникало её костлявое лицо. Мне начало казаться, что Норма действительно страдала. А, значит, Тод действительно испытывал ко мне чувства. Обе мысли были одинаково тревожными.

Мы заговорили о Норме лишь однажды, после урока химии, когда мистер Финникс поставил её в пару с Тодом для лабораторных работ. По дороге домой я заметила его непривычную молчаливость.

– Что-то случилось? – спросила я.

Он тряхнул головой и натянуто улыбнулся:

– Ерунда.

– Не хочешь быть в паре с Нормой?

Тод произвольно скривился:

– Почему?

– Не знаю, она странная стала. И приставучая.

Мне понравился его ответ. Бедняжка Норма, услышь она его, выпрыгнула бы из машины на ходу, но я едва не захлёбывалась радостью. Я сказала, что, возможно, всё будет не так уж и плохо. Тод неохотно согласился. Однако, спустя первую неделю я была готова проглотить собственные слова. Это было не просто плохо, а невыносимо. Они сидели за одним столом, и Норма постоянно прижималась к нему. Я сидела позади и всё видела. Как она клала подбородок ему на плечо, как пялилась на его губы, облизывая свои, как слюнявила палец, чтобы стереть невидимую пылинку с его щеки. Напряжение висело в воздухе, как сорокоградусная жара – влажное, тягучее, противное, давящее. Дошло до того, что вернувшись однажды домой, я достала дневник и записала крупными буквами:

**ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ СГОРЕЛА В АДУ, СУЧКА НОРМА ЧАНДЛЕР!**

Я бы такого ни за что не написала, если бы она не слюнявила палец и не возила им по лицу Тода. Это было уже слишком. Её слюна впитывалась в его кожу, и происходило что-то вроде совокупления. Она становилась частью его. Я должна была что-то сделать, пусть даже на бумаге, в одиночестве в своей комнате, в своих мыслях. Мне и в голову не приходило, что кто-то может по-настоящему пострадать.

Мы проводили опыт с хлором и азотной кислотой. Я хорошо запомнила. Мы засыпали в неё чёрные частицы и наблюдали за огненными вспышками. Я наблюдала за Тодом и Нормой. Я видела своими глазами, как что-то полыхнуло и задымилось, а затем услышала пронзительный визг. Норма резко вскочила со стула и стала крутиться на месте, как заведённый волчок. Мистер Филлипс бросился к ней, снимая с себя фартук. Подоспев, он принялся хлопать им по её волосам под аккомпанемент её крика. Дальше поднялась самая настоящая суматоха, перешёптывания, громкий инструктаж перепуганного мистера Филлипса, выводящего Норму из кабинета. Внезапный пожар стал главной темой дня. Рассказ о нём с каждым перерывом становился всё более детальным и невероятным. Вот вся её голова полыхает ярким огнём. Вот Норма начинает корчиться и обугливаться, будто из неё изгоняют беса. А вы знали, что у неё сгорело пол лица? Все с возбуждением спрашивали Тода, как главного свидетеля, а когда он давал скупые раздражённые ответы, кивали:

– Круто, чувак, такое шоу и ты в первых рядах.

Как оказалось, лицо Нормы не пострадало, в отличие от её волос и даже, как поговаривали, головы. Через неделю она пришла в школу в парике – короткие жёлтые волосы до плеч. Казалось, будто ей уже перевалило за тридцать. Впалые щёки и синяки под глазами создавали красочный образ измученной домохозяйки из трейлерного парка.

Первые пару дней школьная общественность примерно демонстрировала свою сострадательность, но вскоре лимиты исчерпались. Бывшие лучшие подруги с облегчением признали, что их Нормы больше нет. Остальные нахально глазели, тыкали в неё пальцем и смеялись. Даже дурачок Билли вежливо предложил «прекратить общение». Из главной претендентки на «Королеву бала» Норма Чандлер превратилась в главное посмешище школы. Мне было искренне её жаль, до такой степени, что я напрочь позабыла о своём дневнике и идиотской записи. Я не открывала его до самого выпускного, накануне которого нам сообщили, что Норма наглоталась таблеток и впала в кому. Вечером того же дня я достала дневник и прочитала:

**ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ СГОРЕЛА В АДУ, СУЧКА НОРМА ЧАНДЛЕР!**

Это всего лишь слова. Слова не поджигают волосы. Они не вводят в кому. Я швырнула дневник под кровать и завернулась в одеяло. Меня не покидало ощущение, что ветви деревьев вот-вот превратятся в щупальца, залезут в окно и высосут из меня душу, которую я, вероятно, сама того не подозревая, продала дьяволу.

## **Пайпер**

8

Пайпер боялась признать, что ей нравилось работать у мадам Дидье. «Ты будешь среди своих» – сказал Алек, и она ему не поверила, ведь прежде была твёрдо убеждена, что такого места вовсе не существует. Это прозвучало слишком заманчиво, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Сперва всё казалось непривычным, от собственного угла – небольшой комнатухи, и до потрёпанной колоды карт, которую Синтия бросила на стол перед её носом со словами: «Разложи и тыкай пальцем». Однако, Пайпер очень быстро поняла, что в приглушённом свете, в шелесте тяжёлых пыльных штор, среди запахов чая, сладких духов и травяных благовоний она может быть той, кем её задумала природа. Клиенты, в основном дамы, смотрели на неё, не моргая, завороченно внимая каждому слову, кивали головами и охали от удивления. Никто не называл её сумасшедшей, никто не притворялся. Сюда приходили не для светских разговоров. Они не искали её расположения. Они использовали её открыто, без обходных путей и лицемерия. Вскоре Пайпер отложила колоду карт, больше к ней не прикасаясь.

Вместе с ней в салоне работали три гадалки. Все – женщины в возрасте. Мадам Дидье лишь однажды сказала, что такие вызывают больше доверия. Хильда со странным акцентом читала линии судьбы и гадала на чае. Изольда, настоящего имени которой Пайпер не знала, раскладывала карты и камни. Роза называла себя медиумом. Все трое выглядели совершенно обычными, приятными дамами, которые пекут домашнее печенье или вяжут на досуге перед телевизором.

– Нам нравится помогать людям, дорогая, – сказала Хильда во время знакомства, – они приходят к нам потому, что им больше некуда идти.

И не только они – подумала Пайпер.

Кроме женщин в салоне работал единственный мужчина – чернокожий великан Купер Харди. Здоровенный, коротко стриженный, с небольшой бородкой, в которой проглядывала проседь. Он всегда прожигал Пайпер странным взглядом, когда они сталкивались в коридоре. У него были узкие глаза, но ей казалось, будто он ещё и щурится в придачу. Купера окрестили шаманом. Никто не объяснил, что это значит, однако Пайпер не могла не заметить, что остальные относились к нему с подозрением:

– Магия вуду крайне опасна, – предупреждала её Роза, – они приносят настоящие человеческие жертвы. Кто знает, что Купер вытворяет за закрытыми дверями...

И всё же, несмотря на предупреждения, Пайпер испытывала к нему необъяснимую тягу. Проходя мимо, ей хотелось остановиться, разглядывать его, слушать его голос. Он носил много браслетов на одной руке. Ей хотелось потрогать их, возможно, примерить. Купер был молчалив и держался в стороне. Ей редко выпадала возможность увидеть его и уж тем более перекинуться парой слов. Но, по какой-то неведомой причине, Пайпер вдохновлялась этими моментами, ощущая прилив сил и энергии.

Всем, кроме Купера, было крайне любопытно, чем именно она занималась Пайпер:

– Что-то вроде медиума, – ответила кратко, поглядев на Розу

Та улыбнулась. О конкуренции не могло быть и речи. Роза двадцать лет проработала в риэлтерской конторе и научилась точно определять, что нужно клиентам.

– Сначала я задаю вопросы, хотя часто по внешнему виду уже многое можно сказать, – объясняла она, – главное – настроиться, внимательно слушать, пропитаться их энергетикой. А какие у тебя методы?

Пайпер пожала плечами:

– Примерно то же самое.

Она вовсе не собиралась откровенничать. Ни с кем и никогда. Откровенничать по-настоящему. Даже Алек не знал всей правды в том чистом виде, в котором она была зачата. Пайпер читала информацию, как сценарий фильма, отправленный Стивеном Кингом телепатическим факсом по ошибке. Сегодня какой-нибудь Джек Торренс рассказывает о том, как сошёл

сума. А завтра какой-нибудь Бен Мейрс будет умолять передать срочное сообщение тем, кого ещё не сожрали вампиры. Реальность порой оказывалась не менее безумной, чем писательские выдумки.

Но чаще всего время в салоне мадам Дидье тянулось медленно, плавно, как мёд, стекающий с ложки. Ему некуда было спешить, ему нравилось наблюдать за тем, как клиентки томились в ожидании своей очереди. Новенькие заметно волновались, теребя платочки или бусы. Завсегдатаи с интересом разглядывали их, выпивая по две кружки чая.

– Страшно только в первый раз, – шептали то и дело в коридоре.

Когда гадалка освобождалась, очередная возбуждённая клиентка залетала к ней в комнату, не дав и минуты передохнуть.

– Вот любопытно, – спросил однажды Алек, – если это, конечно, не нарушает твою профессиональную тайну. Зачем все эти люди ходят к гадалкам? Чего они хотят?

Пайпер привыкла к тому, что в один момент он снова начал задавать вопросы, примерно на следующее утро после первой ночи, которую они провели вместе. Тогда он спросил – у меня закончился кофе. Ты не против чая? За ним последовали и другие. Пайпер всякий раз задумывалась, подался ли Алек в журналистику из-за своего природного любопытства, или же любопытство – отпечаток профессии.

Нет, она не будет разводить сплетни, ответила Пайпер, но он не унимался. Вопрос, оставленный без ответа, был для него чем-то вроде застрявшего в зубах кусочка еды.

– Давай так, мы не будем уходить в детали, я всё понимаю. Но расскажи хотя бы в двух словах.

Алек умел мастерски идти на уступки. Сперва, это настораживало Пайпер, но вскоре даже стало казаться забавным. Ей нравилось делать вид, будто она совершенно об этом не догадывается.

Зачем приходили люди в двух словах? За ответами. На какие вопросы? Изменяет ли муж? Что ждёт в ближайшем будущем? Стоит ли покупать новый дом сейчас или дождаться улучшения ситуации на рынке? Изменяет с секретаршей? Сколько будет детей? Лучше свадьбу зимой или летом? Алек улыбнулся:

– Бедняжка, они тебя, наверное, совсем достали.

Это было не так, но Пайпер не стала объясняться. Она получала странное удовлетворение от того, что отвечала на одни и те же вопросы своих клиенток. Будто её способности – энергия – прежде били неконтролируемыми потоками, растекавшимися во все стороны, а сейчас им впервые задали точное направление. Так было проще и спокойнее. Она больше не ждала, что очередное видение нанесёт внезапный удар, застанет врасплох, ведь отныне она не скрывалась от них, а искала встречи.

Одной из новых клиенток Пайпер была Элиза Стронг, жена Криса Стронга – наследника продуктовой империи Стронгов в Хаймсвилле. Элиза была настоящей красавицей, по всем положенным правилам: аккуратный вздёрнутый носик, пухлые сочные губы, круглые глаза, роскошные тёмные волосы, узкая талия и большая грудь, которая стала ещё больше после рождения первенца. Ей неизбежно завидовал каждый, кто был с ней знаком. Всем своим видом Элиза рекламировала идеальную жизнь, воплощение американской мечты. Однако, никто не знал, что вот уже как три месяца её мучали жуткие кошмары. Снотворное и травяные отвары оказались бессильны, а в ночь, когда она услышала зловещий мужской смех, разнёсшийся по дому, было принято решение бороться с чертовщиной всеми возможными и невозможными способами.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.